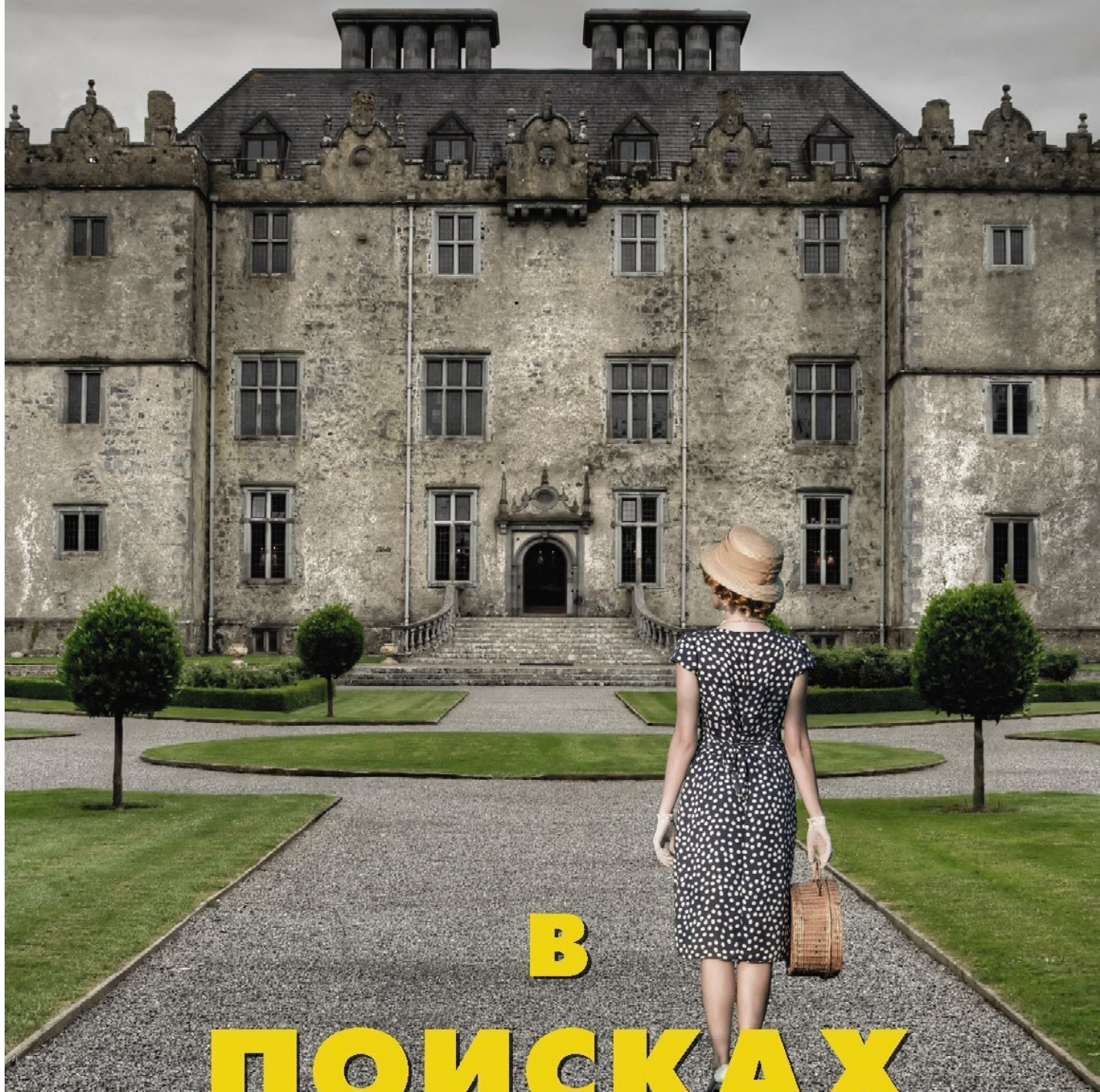

Читайте книгу, смотрите сериал!

НЭНСИ МИТФОРД

В

**ПОИСКАХ
ЛЮБВИ**

Нэнси Митфорд
В поисках любви

«Издательство АСТ»

1945

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Митфорд Н.

В поисках любви / Н. Митфорд — «Издательство АСТ», 1945

ISBN 978-5-17-132930-3

Беззаботные 20-е годы прошлого века – время молодости красавиц Линды и Луизы Рэдлетт и их кузины Фанни Логан. Вырвавшаяся из-под долгого гнета суровой викторианской морали и оправившаяся от кошмара Первой мировой «золотая молодежь» Британии бурно веселится в вихре головокружительных танцев, звоне бокалов на вечеринках и стремительном полете модных гоночных автомобилей. Браки легкомысленно заключаются и столь же легкомысленно разрушаются. Заводятся яркие и скандальные романы. Перемешиваются, словно разные сорта алкоголя в коктейле, сливки аристократии, буржуазии и богемы. Жизнь прекрасна! А между тем беззаботные 20-е уступают место тревожным 30-м и на горизонте уже звучат первые, отдаленные еще раскаты новой войны...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-132930-3

© Митфорд Н., 1945

© Издательство АСТ, 1945

Содержание

1	6
2	12
3	16
4	19
5	27
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Нэнси Митфорд В поисках любви

© Nancy Mitford, 1945

© Перевод. Н. Кудашева, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

1

Сохранилось фото тети Сэди и ее шестерых детей, сидящих за чайным столом в поместье Алконли. Стол, как было всегда и будет впредь, стоит в холле, перед громадным камином. На фотографии ясно видна висящая на стене саперная лопатка, которой в 1915 году дядя Мэттью, одного за другим, перебил восьмерых солдат, выползавших из немецкого блиндажа. Лопатка, до сих пор испачканная кровью и прилипшими к ней волосами, когда мы были детьми являлась предметом нашего восхищения. Неизменно красивое лицо тети Сэди на фотографии кажется необычно округлившимся, волосы – необычно распушившимися, а одежда – необычно неряшливой, но это, безусловно, она – сидит и держит на коленях утопающего в кружевах Робина. Она как будто не вполне понимает, куда пристроить головку ребенка, а за пределами кадра явно присутствует няня, ожидающая момента, чтобы его забрать. Остальные дети, от одиннадцатилетней Луизы до двухлетнего Мэтта, в нарядных платьях и костюмах или оборчатых передничках, сидят вокруг стола, держа, в зависимости от возраста, чашку или кружку и таращась в камеру широко распахнутыми глазами. Губы детей сложены в круглый бантик и выглядят так, будто во рту у них никак не растает кусочек масла. Вот они, впечатавшиеся в этот момент, как мухи в янтарь. Камера щелкнет, а потом жизнь покатится вперед (минуты, дни, годы, десятилетия) и понесет их все дальше и дальше от этого счастья, обещаний юности, надежд, которые, вероятно, возлагала на них тетя Сэди, и тех мечтаний, которыми грезили они сами. Я часто думаю, что нет ничего столь же мучительно грустного, как такие старые семейные фото.

В детстве я проводила свои рождественские каникулы в Алконли, так уж было заведено. Некоторые из этих праздников проносились мимо, не оставляя о себе каких-то значимых воспоминаний, другие же были отмечены бурными событиями и выделялись из общего ряда.

Например, был случай, когда загорелось крыло здания, в котором жили слуги. Было и такое, что мой пони завалился на переправе и чуть не утопил меня в ручье (вскоре его оттащили, но говорят, что я уже пускала пузыри). Была еще и драма с десятилетней Линдой, совершившей попытку самоубийства, чтобы воссоединиться со старым вонючим бордер-терьером, которого пришлось застрелить дяде Мэттью. Она набрала и съела полную корзинку тисовых ягод. Но няня застучала ее за этим занятием и заставила в качестве рвотного выпить воды с горчицей, после чего Линда заработала выговор от тети Сэди и подзатыльник от дяди Мэттью, была уложена в постель на несколько дней и получила во владение щенка-лабрадора, который вскоре занял в ее сердце место старого бордера. Не такой уж плохой вариант наказания, на мой взгляд. Хуже получилось, когда Линда, будучи уже двенадцатилетней, рассказала пришедшим на чай соседским девочкам, откуда, по ее мнению, берутся дети. Эти сведения в изложении Линды были настолько шокирующими, что ее гости покинули Алконли с диким воем, подорванным психическим здоровьем и в значительной мере утраченными шансами на нормальную интимную жизнь в будущем. Расплатой стала серия ужасных карательных мер – от нешуточной порки, осуществленной дядей Мэттью, до запрета в течение недели обедать за общим столом. Незабываемыми также стали каникулы, когда дядя Мэттью и тетя Сэди уехали в Канаду. Дети Рэдлеттов каждый день мчались за газетами, в надежде прочесть, что корабль их родителей пошел ко дну вместе со всеми пассажирами; они жаждали стать круглыми сиротами – особенно Линда, которая так и видела себя в роли главной героини книги «Вот, что сделала Кэти»¹, берущей бразды домашнего хозяйства в свои маленькие, но умелые ручки. Корабль не встретился с айсбергом и выдержал атлантические штормы, но зато мы получили чудесные каникулы, свободные от правил.

¹ «Вот, что сделала Кэти» – детская книга американской писательницы Сьюзан Кулидж.

Впрочем, больше всего мне запомнилось Рождество, когда я была уже четырнадцатилетней и случилась помолвка тети Эмили. Тетя Эмили была сестрой тети Сэди, и она воспитывала меня с младенчества, потому что моя родная мать, их младшая сестра, решила, что слишком красива и беспечна для того, чтобы в девятнадцать лет обременить себя заботами о ребенке. Она покинула моего отца, когда мне был месяц от роду, и в дальнейшем убегала так часто и со столь многими и разными мужчинами, что получила среди родных и друзей прозвище – Сумасбродка. Что касается моего отца, то его вторая жена, – а там и третья, четвертая, пятая, – большого желания воспитывать меня, конечно, не имела. Периодически какая-нибудь из этих кратковременных родительниц, как ракета, появлялась на моем горизонте и отбрасывала на него свое волшебное зарево. Все эти женщины были настолько красивы и соблазнительны, что я страстно желала быть подхваченной и унесенной прочь их искрометным огненным шлейфом, хотя в глубине души понимала, как мне повезло, что у меня есть тетя Эмили. Постепенно, по мере того как я росла, они утратили в моих глазах всякое очарование – холодные, серые обшивки потухших ракет ветшали там, где им случилось приземлиться: моя мать с неким майором на юге Франции, а отец, распродавший из-за долгов свои поместья, – со старой румынской графиней на Багамах. Окружающий их гламур поблек задолго до моего совершеннолетия, и не осталось ничего, – никакой основы хотя бы в виде детских воспоминаний, – чтобы я могла выделить этих немолодых людей из числа других таких же. Тетя Эмили никогда не была гламурной, но она всегда была мне матерью, и я ее любила.

Однако в то время, о котором сейчас идет речь, я была в том возрасте, когда каждая, даже совсем лишенная фантазии, девочка воображает себя подкидышем королевской крови, индийской принцессой, Жанной д'Арк или будущей русской императрицей. Я тосковала о своих родителях, при упоминании о них напускала на себя идиотский вид, который должен был выражать смесь страданий и гордости, и представляла их себе глубоко погрязшими в романтических и смертных грехах.

Нас с Линдой тогда очень занимали мысли о грехе, и нашим любимым героем стал Оскар Уайльд.

– Но что он такого сделал?

– Я однажды спросила у Па, а он зарычал на меня – боже, это было так страшно! Он сказал: «Если ты еще раз произнесешь в нашем доме имя этого мерзавца, я тебя высеку, слышишь, черт тебя подери!» Тогда я спросила у мамы. Она сделалась такой таинственной и сказала: «Ох, детка, я, право, и сама толком не знаю, но точно это что-то ужасно скверное, хуже убийства. И, дорогая, не говори о нем за столом, хорошо?»

– Мы должны все выяснить.

– Боб говорит, что выяснит, когда поступит в Итон.

– О боже! Как думаешь, он был хуже, чем мои мама и папа?

– Конечно же нет. Ведь хуже некуда. О, тебе так повезло, что у тебя порочные родители.

В то Рождество я одолела шестимильную дорогу от станции Мерлинфорд и, ввалившись из темноты в холл Алконли, была ослеплена электрическим светом. Каждый год происходило одно и то же: я всегда приезжала все тем же поездом, поспевая к вечернему чаю, и неизменно находила тетю Сэди и детей сидящими вокруг стола, под саперной лопаткой, точь-в-точь как на той фотографии. И стол был тот же самый, и та же чайная посуда: фарфоровые чашки, разрисованные крупными розами, блюдо с ячменными лепешками и чайник, тихо побулькивающий над язычками пламени спиртовки. Люди, конечно, постепенно изменялись, дети вырастали и взрослели, в семействе появилось прибавление – маленькая Виктория, которая вперевалку ковыляла по комнате с зажатым в кулачке печеньем. Ее перемазанная шоколадом рожица являла собой кошмарное зрелище, но сквозь эту липкую маску ярко сиял твердый, голубой, бесспорно рэдлеттовский взгляд.

Мое появление вызвало громкий шум отодвигаемых стульев, и стая Рэдлеттов набросилась на меня с мощью, почти граничащей со свирепостью своры охотничьих собак, кидающихся на лису. Кроме Линды. Она обрадовалась мне больше всех, но решила этого не показывать. Когда гвалт утих и меня усадили перед лепешкой и чашкой чаю, она спросила:

– А где Бренда?

Так звали мою белую мышь.

– У нее воспалилась спина, и она умерла, – ответила я. Тетя Сэди с беспокойством посмотрела на Линду.

– Ты что, скакала на ней верхом? – сострила Луиза.

Мэтт, недавно перешедший под опеку французской бонны, подражая ей, пропищал:

– C’était, comme d’habitude, les voies urinaires.²

– О боже, – пробормотала себе под нос тетя Сэди.

Крупные слезы закапали Линде в тарелку. Никто не плакал так много и так часто, как она. Ее могла расстроить любая малость. Особенно сильно на нее действовало дурное обращение с животными, и если Линда начинала рыдать, успокоить ее стоило очень больших трудов. Она была нежным и чрезвычайно нервным ребенком, и даже тетя Сэди, имевшая очень смутные представления о здоровье своих детей, знала, что избыток слез не давал Линде уснуть ночью, отвращал от еды и вообще наносил ей вред. Другие дети, особенно Луиза и Боб, которые очень любили подразнить, поддевали Линду как могли и периодически получали нагоняй за то, что вынуждали ее плакать. Книги «Черный красавец», «Старина Боб», «Повесть о благородном олене» и все рассказы Сетона-Томпсона были под запретом в Алконли из-за Линды, которую они в то или иное время довели до отчаяния. Их следовало прятать, поскольку не было никакой уверенности, что, оставленные на виду, они не подтолкнут ее предаться неистовому самоистязанию.

Зловредная Луиза сочинила стишок, который всегда вызывал у Линды реки слез:

Бездомная спичка-сиротка
Лежит одиноко и кротко,
Не хнычет, не стонет,
Слезу лишь уронит,
Несчастливая спичка-сиротка.

Когда тети Сэди не было поблизости, дети мрачно декламировали его хором. В некоторых случаях, при определенном настрое страдалицы, им достаточно было лишь посмотреть на спичечный коробок, чтобы полностью ее уничтожить. Однако иногда Линда чувствовала себя более сильной и более способной справляться с жизнью, и в ответ на подковырки у нее из самого нутра произвольно исторгался грубый хохот.

Она была не только самой любимой из моих двоюродных сестер, но – и тогда, и многие годы после – самым любимым человеческим существом на свете. Я обожала всех своих кузенов и кузин, однако Линда концентрировала в себе, ментально и физически, самую сущность семейства Рэдлеттов. Правильные черты ее лица, прямые каштановые волосы и большие голубые глаза были как бы главной музыкальной темой, а лица других – лишь ее вариациями. Все они были милостивы, но ни одно не было так самобытно, как у Линды. В ней было что-то яростное, даже когда она смеялась, что делала частенько и всегда словно бы по принуждению, против собственной воли. Этот смех почему-то наводил меня на мысли о молодом Наполеоне, каким его изображают на портретах. Эдакая сумрачная напряженность.

² Обычные проблемы с почками (фр.).

Я видела, что Линда гораздо больше горюет о Бренде, чем я. Все потому, что мой медовый месяц с этой мышью закончился, и мы с ней давным-давно перешли к скучным и бесцветным отношениям, похожим на постылое супружество. Когда у Бренды на спине обнаружилась отвратительная болячка, я лишь из чистого приличия смогла заставить себя обращаться с ней по-человечески. Конечно, испытываешь шок, однажды утром найдя кого-то одеревеневшим и холодным на полу в его клетке, но я вздохнула с большим облегчением, когда страдания несчастной наконец закончились.

– Где она похоронена? – яростно пробормотала Линда, глядя себе в тарелку.

– Возле зарянки. Над ней поставлен прелестный маленький крест, а ее гробик обшит розовым атласом.

– А теперь, Линда, милая, – сказала тетя Сэди, – если Фанни допила чай, почему бы тебе не показать ей свою жабу?

– Она сейчас спит наверху, – сказала Линда. Но плакать перестала.

– Тогда скушай горячий тост, он очень вкусный.

– А можно намазать его анчоусовой пастой? – спросила Линда, спеша воспользоваться настроением матери, потому что анчоусовую пасту держали исключительно для дяди Мэттью – она считалась не полезной детям. Остальные демонстративно обменялись многозначительными взглядами, которые, на что и был расчет, были перехвачены Линдой, и та, громко зарывдав, сорвалась с места и кинулась вверх по лестнице.

– Ах, если бы вы только перестали дразнить Линду! – раздраженно пробормотала обычно незлобивая тетя Сэди и поторопилась вслед за дочерью.

Когда она оказалась вне пределов слышимости, Луиза прошептала:

– Если бы да кабы, да во рту росли грибы... Завтра охота на детей, Фанни.

– Да, Джош мне сказал. Он был в машине – ездил к ветеринару.

Дядя Мэттью держал четырех великолепных английских гончих, с которыми устраивал охоту на детей. Двое из нас отправлялись вперед с хорошим запасом времени, чтобы проложить след, а дядя Мэттью и остальные ехали вдогонку верхом в сопровождении собак. Было страшно весело. Однажды дядя Мэттью перенес это развлечение ближе к моему дому и гнал нас с Линдой по пустоши в Шенли, чем произвел грандиозный переполох среди жителей графства Кент, направлявшихся на воскресную службу. Они были потрясены видом четырех огромных собак в бешеной погоне за двумя маленькими девочками. Дядя Мэттью показался им злым лордом из романа, а за мной еще прочнее закрепилась слава сумасбродной и испорченной девчонки, с которой опасно водиться их детям.

В те мои рождественские каникулы детская охота прошла великолепно. Нам с Луизой выпало счастье быть зайцами. Мы побежали по нетронутой земле красивого, открытого всем ветрам Котсуолдского нагорья, стартовав вскоре после завтрака, когда солнце еще висело красным шаром, едва выступившим из-за горизонта, а деревья четко выделялись своими темно-синими ветвями на фоне то бледно-голубого, то лавандово-лилового, то розоватого неба. Пока мы, спотыкаясь, с трудом продвигались вперед и страстно желали обрести второе дыхание, солнце окончательно взошло и засияло. Разгорался прекрасный, по ощущению больше похожий на осенний, чем на рождественский, день.

Один раз нам удалось обмануть гончих, пробежав сквозь стадо овец, но вскоре дядя Мэттью снова навел их на след, и когда мы, изможденные двумя часами тяжелого бега, были всего лишь в полумиле от дома, эти лающие, слюнявые твари все же настигли нас и получили в награду заранее приготовленные и сдобренные многочисленными ласками куски мяса. Дядя Мэттью, в самом лучезарном настроении, слез с коня и остаток обратного пути, как и мы, шел пешком, добродушно болтая с нами. И что самое необычное – он был весьма обходителен даже со мной.

– Я слышал, Бренда умерла, – сказал он. – Считаю, не велика потеря. Эта мышь воняла, как черт. Полагаю, ты держала ее клетку слишком близко к радиатору, я всегда говорил тебе, что это нездорово. Или она умерла от старости?

Обаяние дяди Мэттью, когда он решал его включить, было изрядным, но в те времена он внушал мне животный страх, и я сделала ошибку, позволив ему это заметить.

– Тебе надо бы завести соню, Фанни, или крысу. Они гораздо интереснее белых мышей – хотя, если честно, из всех мышей, каких я знал, Бренда была самой убогой.

– Она была очень скучной, – угодливо поддакнула я.

– Мне нужно в Лондон после Рождества, я привезу тебе соню. Я уже приглядел одну на днях в магазине «Армия и флот».

– О, Па, так несправедливо! – воскликнула Линда, которая ехала на своем пони рядом с нами. – Ты же знаешь, что это я всегда мечтала о сонне.

Вопль: «Несправедливо!» извергался юными Рэдлеттами непрерывно. Большим плюсом для рожденных в большой семье является то, что они рано усваивают истину – жизнь несправедлива по своей сути. В случае Рэдлеттов, надо сказать, этот закон почти всегда демонстрировался на примере Линды, любимицы дяди Мэттью.

Сегодня, однако, дядя был сердит на нее, и до меня вдруг дошло, что его странная приветливость со мной и добродушная болтовня о мышах просто имели целью позлить Линду.

– У вас и так достаточно животных, мисс, – проворчал он. – И с теми, какие уже есть, вы справляетесь из рук вон плохо. Не забудьте, что я вам сказал – когда мы вернемся, этот ваш кобель отправится напрямиком в конуру и останется там навсегда.

Лицо Линды сморщилось, из ее глаз потекли слезы. Она пинком перевела пони на легкий галоп и поскакала к дому. Оказывается, ее пса Лэбби после завтрака стошнило в кабинете дяди Мэттью, не выносившего нечистоплотности у собак, после чего тот пришел в ярость и постановил, что отныне и навсегда ноги Лэбби больше не будет в доме. Подобное постоянно случалось по той или иной причине то с одним, то с другим животным, и поскольку дядя Мэттью был грозен более на словах, чем на деле, его запреты редко длились дольше одного-двух дней, а потом начиналось то, что он называл ползучей революцией.

– Можно, я впущу его на минутку, пока схожу за перчатками?

– Я так устала – нет сил дойти до конюшни. Пожалуйста, позволь ему остаться, пока мы пьем чай.

– О, я вижу: ползучая революция. Хорошо, на этот раз он может остаться, но если еще раз напачкает, или я застану его на твоей кровати, или он погрызет дорогую мебель (*каждое из этих преступлений приводило к изгнанию*), я его уничтожу, и не говори потом, что я тебя не предупреждал.

И несмотря на стопроцентную вероятность отмены приговора об изгнании, всякий раз после его вынесения владелица приговоренного рисовала в своем воображении, как ее ненаглядный питомец мается всю жизнь в одиночном заточении холодной и мрачной конуры.

– Даже если я буду выводить его погулять на три часа в день, а еще буду приходиться по часу с ним разговаривать, ему все равно придется двадцать часов сидеть одному и без всяких занятий. О, почему собаки не умеют читать?

Следует отметить, что дети Рэдлеттов придерживались антропоморфного взгляда на своих питомцев.

В тот день дядя Мэттью был в удивительно хорошем расположении духа и, когда мы вышли из конюшни, сказал Линде, которая плакала, сидя в конуре со своим Лэбби:

– Ты что, собираешься весь день держать бедную скотинку здесь?

Позабыв про слезы, словно их и не было вовсе, Линда бросилась в дом, а за ней по пятам понесся Лэбби. Рэдлетты всегда пребывали либо на вершине счастья, либо в черных водах отчаяния, они не ведали среднего уровня эмоционального накала, они либо обожали – либо

ненавидели, либо смеялись – либо плакали, они обитали в мире крайних степеней. Их жизнь с дядей Мэттью была чем-то вроде нескончаемой игры под названием «Земля Тома Тиддлера»³. Они заходили настолько далеко, насколько им хватало духу, но бывало, дядя Мэттью без всякой видимой причины набрасывался на них, еще не успевших даже переступить границу. Будь они детьми бедняка, их, вероятно, давно забрали бы от такого рычащего, беснующегося, скорого на руку отца и отправили бы в приемную семью, или же сам дядя Мэттью был бы изолирован от них и отправлен в тюрьму за недопустимые методы воспитания. Природа, однако, умеет все расставить по местам: в каждом ребенке Рэдлеттов было достаточно того, что давало возможность выдерживать бури, в которых обычные дети, вроде меня, полностью бы пали духом.

³ «Земля Тома Тиддлера» – старинная английская детская игра (типа салочек), в которой водящий (Том Тиддлер) стоит в кругу, на куче камней, гравия и т. д. и старается никого не пустить на свою территорию. Если кому-то из детей удастся забежать в круг, они поют: «Я на земле Тома Тиддлера, собираю золото и серебро». Тот, кто будет пойман, становится Томом Тиддлером.

2

Дядя Мэттью меня терпеть не мог, в Алконли этот факт был известен всем. Неистовый и необузданный, этот человек, как и его дети, не знал золотой середины: он либо обожал, либо ненавидел. И чаще, надо сказать, он склонялся ко второму. Его ненависть автоматически распространилась на меня с моего отца, с которым дядя Мэттью враждовал исстари, еще с тех пор, когда они вместе учились в Итоне. Лишь только стало очевидно (а очевидно это стало с момента моего зачатия), что мои родители намерены меня кому-нибудь подкинуть, тетя Сэди захотела взять меня к себе и растить вместе с Линдой. Мы были одногодки, и этот план казался ей разумным. Но дядя Мэттью категорически воспротивился. Он сказал, что ненавидит моего отца, ненавидит меня, но самое главное – вообще ненавидит детей, и так достаточно скверно, что у него есть двое своих. (Он явно не предвидел, что совсем скоро у него их будет семеро. На самом деле, и он, и тетя Сэди жили в состоянии постоянного удивления оттого, что в их доме заполняется так много колыбелек. В отношении будущего тех, кто в них спал, у них, похоже, не было никакой конкретной стратегии.) И я очень благодарна дорогой тете Эмили, чье сердце было однажды разбито неким коварным вертопрахом и которая решила по этой причине никогда не выходить замуж. Она забрала меня к себе и посвятила свою жизнь моему воспитанию. Страстно веря в женское образование, тетя Эмили приложила громадные усилия, чтобы выучить меня должным образом, она даже переехала в Шенли, поближе к хорошей дневной школе. Дочери Рэдлеттов практически ничему не учились. Читением и письмом они занимались с французской гувернанткой Люсиль и были обязаны, будучи совершенно немзыкальными, «практиковаться» в ледяной бальной зале по часу в день. Не отрывая глаз от стрелок часов, они выстукивали на фортепьяно «Веселого крестьянина» и несколько гамм. Ежедневно, исключая дни охоты, их выгоняли на «французскую прогулку» с Люсиль – и тем исчерпывалось все их образование. Дядя Мэттью терпеть не мог образованных женщин, он считал, что настоящей леди достаточно уметь ездить верхом, знать французский язык и играть на фортепьяно. Ребенком я вполне ожидаемо завидовала сестрам, свободным от кабалы арифметических задач и естественных наук, и в то же время не без самодовольства утешалась мыслью о том, что не вырасту такой малограмотной, как они.

Тетя Эмили нечасто сопровождала меня в поездках в Алконли. Наверное, она считала, что мне веселее находиться там без ее присмотра. К тому же и ей самой не мешало сменить обстановку и, ненадолго отложив повседневные обязанности, съездить на Рождество к друзьям своей юности. В то время ей было сорок лет, и мы, дети, между собой давно и навечно отказали ей в праве соблазняться какими-либо мирскими и плотскими утехами. В этом году она уехала из Шенли еще до начала каникул и планировала забрать меня из Алконли в январе.

Вечером после детской охоты Линда созвала собрание «Достов» (от слова «достопочтенный»⁴). Это тайное сообщество состояло из детей Рэдлеттов и их друзей. Всякий, кто не числился у достов в друзьях, именовался «презренным». Девизом сообщества служил боевой клич «Смерть гадким презренным!». Я тоже принадлежала к достам, ведь у меня, как и у моих двоюродных братьев и сестер, отец был лордом.

Однако существовало и множество почетных достов. Чтобы стать таковым, необязательно было родиться благородным. Как однажды сказала Линда: «Добрые сердца дороже корон, а простая вера дороже норманнской крови». Трудно судить, насколько мы в это верили, в детстве мы были ужасными снобами, но идею в целом мы, безусловно, одобряли. Среди почетных достов вне конкуренции был наш любимый конюх Джош, который стоил множества

⁴ В Великобритании так обращаются к детям пэров и некоторых сановников.

ведер норманнской крови, а самым презреннейшим из презренных у нас считался егерь Крейвен, против которого мы вели нескончаемую войну не на жизнь, а на смерть. Досты прокрадывались в лес и прятали стальные капканы Крейвена, освобождали зябликов, которых в проволочных клетках, без воды и пищи, он использовал в качестве приманки для ястребов, с почетом хоронили жертв его охоты, найденных в кладовой для дичи, и вскрывали выходы из лисьих нор, накануне так старательно заделанные Крейвеном, прежде чем успевали выпустить собак.

Бедные досты терзались, постоянно сталкиваясь с жестокостью местных нравов, для меня же каникулы в Алконли были истинным откровением, окном в мир настоящей сельской жизни. Мы с тетей Эмили тоже жили в деревне. У нее был небольшой дом в стиле эпохи королевы Анны: красный кирпич, белые панели стен, деревце магнолии у входа и приятный запах свежести. Но наше жилище отделяли от окружающего мира аккуратный маленький садик, чугунная ограда, зеленая лужайка и деревня. Природа этого места сильно отличается от природы Глостершира: она выхолощена, ухожена, обильно возделана и похожа на пригородный парк. В Алконли же лесная чаща подступала к самому дому. Мне нередко случалось просыпаться от пронзительных воплей кролика, в ужасе кружащего, спасаясь от лап горноста, или от странного, жуткого крика лисицы и видеть из окна спальни, как она уносит в зубах живую курицу. Каждую ночь в мое окно доносились первобытные звуки, издаваемые устраивающимся на ночлег фазаном, и уханье бессонной совы. Зимой, когда землю укутывал снег, мы читали на нем отпечатки лап самых разных животных. Часто эти следы обрывались лужицей крови и кучкой меха или перьев – свидетельствами успешной охоты хищников.

В Алконли в двух шагах от дома находилась приусадебная ферма. Здесь, на виду у всякого проходящего мимо, обыденно и просто забивали птицу и свиней, холостили ягнят и клеймили крупную скотину. И даже старый добрый Джош считал пустячным делом по окончании охоты прижечь каленым железом ноги любимой лошади.

– За один раз можно только две, – говаривал он, свистя сквозь зубы, как обычно делал, ухаживая за лошадьми, – не то она не выдержит боли.

Мы с Линдой плохо переносили боль, и нам было нестерпимо сознавать, что бедные животные, претерпев издевательства при жизни, в конце ее принимают мучительную смерть. (Я и по сей день не поменяла своего отношения, а уж в детстве мы были просто одержимы этим.)

Дядя Мэттью, угрожая жестоким наказанием, запретил гуманитарную деятельность достов и был всегда и во всем на стороне Крейвена, своего любимого слуги. Фазаны и куропатки подлежали хранению впрок, а вредители – безжалостному уничтожению, за исключением лис, которым предстояла кончина поинтереснее. Бедные досты подверглись бесчисленному количеству порок, неделя за неделей их лишали карманных денег, рано отсылали спать, заставляли просиживать дополнительное время за роялем, но они упорно и храбро не оставляли свою порицаемую и неблагодарную работу. Периодически из магазинов «Армия и флот» в Алконли доставлялись объемистые ящики, полные новых стальных капканов. Сложенные штабелями, они дожидались, пока не потребуются Крейвену (его лесной штаб-квартирой был старый железнодорожный вагон, весьма неуместно расположившийся на прелестной маленькой полянке, среди примул и ежевики). Капканов были сотни, и глядя на них, мы невольно задумывались, стоило ли тратить время и деньги, чтобы использовать ничтожных три или четыре из них. Порой мы находили в одном из капканов пронзительно кричащее животное, и требовалось все наше мужество, чтобы подойти и открыть капкан, а потом наблюдать, как бедолага неуклюже бежит на трех лапах, с висящей жутко покалеченной четвертой. Мы понимали, что, скорее всего, зверь умрет в своем логове от заражения крови. Дядя Мэттью вбивал это в наши головы, не пропуская ни одной страшной подробности неминуемой затяжной агонии, но даже зная, что гораздо милосерднее было бы прикончить мученика, мы никогда не

могли отважиться на такое, это было выше наших сил. И без того нас частенько тошнило во время подобных происшествий.

Собрания достов проходили в заброшенном бельевом чулане на верхнем этаже дома – маленьком, темном и чрезвычайно жарком. Как и во многих загородных домах, паровое отопление в Алконли провели на заре его изобретения и за невероятные деньги. С тех пор оно совершенно устарело. Несмотря на размеры котла, более подходящего для океанского лайнера, и ежедневно потребляемые им тонны кокса, на температуре в комнатах это почти не сказывалось. Все тепло почему-то концентрировалось в бельевом чулане, где можно было задохнуться от жары. Там мы и сидели, примостившись на сбитых из реек полках, и часами толковали о жизни и смерти.

В прошлые каникулы нас всецело поглощала тема деторождения. Об этом увлекательном природном явлении мы были информированы чрезвычайно поздно, долгое время предполагая, что материнский живот разбухает в течение девяти месяцев сам по себе, а затем лопается, как спелая тыква, и извергает младенца. Когда нашему сознанию открылась истина, она немного разочаровала нас и немного подавила интерес до тех пор, пока Линда не раскопала в каком-то романе и не зачитала нам вслух леденящим кровь голосом описание женщины в родах.

– «Она порывисто ловит ртом воздух... Пот льется у нее по лбу, как вода... Крики, подобные крикам терзаемого животного, раздирают пространство... Может ли это лицо, искаженное агонией, быть лицом моей дорогой Роны? Неужели эта камера пыток на самом деле наша спальня, а эта дыба – наша брачная постель? „Доктор, доктор, – закричал я, – сделайте что-нибудь!“ – и ринулся в ночь, вон из дома»... И так далее.

Мы были несколько встревожены, предполагая, что и нам, по всей вероятности, в свое время придется претерпеть эти страшные мучения. Разъяснения тети Сэди, недавно произведшей на свет седьмого ребенка, не очень-то нас успокоили.

– Да, – как-то неопределенно сказала она. – Это худшая боль из возможных. Но забавно, что ты про нее забываешь в промежутке между родами. Каждый раз, как она начинается снова, мне хочется сказать: «О, теперь я вспомнила, больше не надо, прекратите». Но к тому времени, конечно, уже никуда не денешься.

Тут Линда залилась слезами, повторяя, как ужасно тогда должны страдать коровы, и на этом разговор закончился.

Говорить с тетей Сэди об интимном было очень трудно. Всякий раз что-то мешало, и дальше родов и младенцев дело не доходило. В какой-то момент они с тетей Эмили почувствовали, что нам следует знать больше, и, слишком стесняясь просветить нас сами, дали нам почитать учебник.

Так мы набрались некоторых любопытных идей.

– Джесси, – презрительно сказала однажды Линда, – заиклена на этом, бедняжка.

– Заиклена на этом! – фыркнула Джесси. – Никто так не заиклен, как ты, Линда. Стоит мне только взглянуть на картинку в мамином учебнике, как ты заявляешь, что я пигмалионистка.⁵

В конце концов мы извлекли гораздо больше информации из книги под названием «Утки и их разведение».

– Утки могут спариваться только в проточной воде, – через какое-то время объявила Линда. – Ну что ж, в добрый час. О вкусах не спорят.

В тот рождественский сочельник мы все: Луиза, Джесси, Боб, Мэтт и я – набились в бельевой чулан, чтобы ее послушать.

– Расскажи про «возвращение в утробу», – попросила Джесси.

⁵ Пигмалионизм – разновидность фетишизма, сочетающаяся с вуайеризмом, при которой роль фетиша играют изображения человеческого тела.

– Бедная тетя Сэди, – сказала я. – Не думаю, что она хотела бы вернуть вас всех обратно.

– Как знать. Поедают же кролики своих крольчат. Кто-то должен объяснить им, что это всего лишь инстинкт.

– Как можно что-то объяснить кроликам? Животные не понимают, что ты хочешь до них донести... бедные ангелы. Вот что я скажу о Сэди. Она хотела бы сама вернуться в утробу, недаром у нее бзик насчет коробочек, это сразу бросается в глаза. Кто еще хотел бы высказаться? Фанни, ты?

– Нет, меня не тянет, ведь мне в утробе было не очень удобно, знаете ли. К тому же никому до сих пор не позволили там остаться.

– Ты об абортах? – с интересом спросила Линда.

– Ну, во всяком случае, о большом количестве прыжков и горячих ваннах.

– Откуда ты знаешь?

– Слышала однажды, как тетя Эмили и тетя Сэди говорили об этом, когда я была еще маленькой, а потом вспомнила. Тетя Сэди спросила: «Как ей это удавалось?» – а тетя Эмили ответила: «Бегала на лыжах или скакала на лошади. Или просто прыгала с кухонного стола».

– Тебе так повезло, что у тебя порочные родители.

Это была вечная присказка Рэдлеттов. В их глазах мои порочные родители являлись главным моим достоинством. В остальном я была очень скучной маленькой девочкой.

– У меня есть новость, – сказала Линда, прочистив горло, как взрослая. – Она представляет интерес для всех, но особенно касается Фанни. Я не стану просить вас отгадывать, потому что нас вот-вот позовут пить чай, а вам все равно ни за что не догадаться, поэтому скажу напрямик: тетя Эмили помолвлена.

Досты хором ахнули.

– Линда, – с негодованием воскликнула я, – ты все придумала!

Линда вынула из кармана клочок бумаги. Это был, судя по всему, отрывок письма, написанного крупным детским почерком тети Эмили, и пока Линда его зачитывала, я смотрела ей через плечо.

«...не говорить детям, что мы помолвлены, как ты думаешь, дорогая, хотя бы поначалу? И опять же, вдруг Фанни он не понравится? Такое трудно представить, но никогда не знаешь точно, чего ждать от ребенка. Не станет ли это для нее шоком? Дорогая, я не могу решить сама. В любом случае сделай так, как сочтешь правильным. Мы приезжаем в четверг, а в среду вечером я позвоню и узнаю, как дела. С любовью, Эмили».

В чулане достов это стало настоящей сенсацией.

3

– Но почему? – повторяла я в сотый раз.

Я и Линда потеснили в кровати Луизу, Боб уселся в ногах. Мы перешептывались, стараясь не выдать себя. Такие полуночные беседы были под строгим запретом, но нарушать правила в Алконли было безопаснее по ночам, чем в любое другое время суток. Сон одолевал дядю Мэттью практически за ужином. Он уединялся в своем кабинете, чтобы подремать там с часок, а потом в сомнамбулическом трансе тащился в постель, где окончательно погружался в крепкий сон человека, который провел на воздухе весь день, и просыпался только на рассвете, когда наступал час его нескончаемой войны с горничными из-за каминной золы. Комнаты в Алконли отапливались дровами, и дядя Мэттью небезосновательно утверждал, что для сохранения тепла золу следует сгрести в кучу и оставлять до полного остывания тлеть в камине. Горничные же, напротив, по какой-то причине (вероятно, из-за прежнего опыта обращения с углем) постоянно норовили выгребать золу сразу и дочиста. Когда угрозами, проклятиями и внезапными наскоками дядя Мэттью, одетый спозаранок в цветастый халат, убеждал их, что этого делать не следует, они все равно не оставляли намерения всеми правдами и неправдами выгребать каждое утро хотя бы совочек золы. Предполагаю, что таковым был их способ самоутверждения.

Они развернули самую настоящую партизанщину. Понятно, что горничные – ранние пташки и всегда могут рассчитывать на три спокойных часа единоличного владения домом. Где угодно, но только не в Алконли. Дядя Мэттью всегда, что зимой, что летом, поднимался в пять утра и бродил по дому, похожий в своем халате на Великого Агриппу. Выпив невероятное количество чая из термоса, который он при этом не выпускал из рук, примерно в семь часов дядя Мэттью отправлялся принимать ванну. Завтрак и для семьи, и для гостей подавался ровно в восемь, и опоздания к нему не допускались. Дядя Мэттью не имел привычки считаться с другими людьми, поэтому на сон после пяти утра нам рассчитывать было нечего. Дядя бушевал по всему дому: звенел чашками, кричал на собак, рычал на горничных, шелкал на лужайке привезенным из Канады бичом, что создавало шум погромче ружейной пальбы, и все это – под пение Галли-Курчи⁶, доносившееся из граммофона, необычайно громкого аппарата с испанской трубой, из которой пронзительно гремели каватина Розины из «Севильского цирюльника», сцена безумия из «Лючии ди Ламмермур», «Нежный жаворонок» из оперы «Комедия ошибок» и тому подобное, проигрываемое на предельной скорости, отчего звук становился еще визгливее и невыносимее.

Ничто так живо не напоминает мне о моих детских годах в Алконли, как эти вещи. Дядя Мэттью проигрывал их беспрестанно, годами, пока однажды наведенные ими чары не рассеялись. Это случилось, когда дядя наконец поехал в Ливерпуль послушать Галли-Курчи вживую. Внешний вид певицы настолько его разочаровал, что с тех пор ее пластинки замолчали навсегда и были заменены на другие, с записями таких густых и низких басов, какие только можно было найти в продаже. Теперь из граммофона раздавалось:

Страшная смерть ныряльщика ждет,
Когда по глуби-и-и-нам морским он бредет.

Или:

Дрейк плывет на Запад, парни.

⁶ Амелита Галли-Курчи (1882–1963) – итальянская оперная певица.

Басы, в общем и целом, были одобрены семьей как менее режущие слух и более приемлемые для пробуждения ни свет ни заря.

* * *

– С какой стати ей вздумалось выходить замуж?

– Она не может быть влюблена. Ей сорок лет.

Как все малолетки, мы считали само собой разумеющимся, что любовь – это сугубо детское развлечение.

– Как думаешь, сколько ему лет?

– Лет пятьдесят-шестьдесят наверное. Возможно, она полагает, что недурно стать вдовой.

Траур, ну ты понимаешь.

– Может, она решила, что Фанни необходимо мужское влияние?

– Мужское влияние! – воскликнула Луиза. – Я предвижу неприятности. А что, если он влюбится в Фанни, вот будет веселенькая история! Как у Сомерсета и принцессы Елизаветы. Помяни мое слово, он начнет играть в нехорошие игры и щипать тебя в постели, вот увидишь.

– Конечно нет. В его-то возрасте.

– Старики любят маленьких девочек.

– И маленьких мальчиков, – вставил Боб.

– Похоже, тетя Сэди не собирается ничего нам говорить до их приезда.

– Впереди еще почти неделя. Возможно, она еще не решила и хочет обсудить это с Па. Может, стоит подслушать в следующий раз, когда она будет принимать ванну? Ты бы мог, Боб.

Рождество прошло, как обычно в Алконли, на фоне сменяющих друг друга солнечных проблесков и грозových ливней. Я, как это свойственно детям, выбросила из головы тревожную новость о тете Эмили и сосредоточилась на удовольствиях. Около шести часов утра мы с Линдой разлепили сонные глаза и бросились к нашим чулкам. Главные подарки ждали нас позже, за завтраком, под елкой, но полные сокровищ чулки, подобные аппетитной закуске в преддверии основного блюда, тоже имели свою ценность. Вскоре вошла Джесси и принялась продавать нам то, что досталось ей. Джесси интересовали только деньги, она копила их для побега, повсюду носила с собой книжку почтовой сберегательной кассы, всегда до последнего фартинга знала, сколько на ней лежит, и легко переводила эту сумму в количество дней на съемной квартире. Это казалось каким-то чудом, потому что Джесси была очень слаба в арифметике.

– Как успехи, Джесси?

– Проезд до Лондона и один месяц, два дня и полтора часа в квартире-студии с раковиной и завтраком.

Откуда возьмутся ее обеды и ужины, оставалось только гадать. Каждое утро Джесси изучала в «Таймс» объявления о сдаче квартир. Самая дешевая, какую она пока что нашла, находилась в Клэпхэме. Джесси так сильно жаждала наличных, которые воплотят ее мечту в реальность, что мы были уверены: на Рождество и в день ее рождения нас ждут очень выгодные приобретения. Джесси в то время было восемь лет.

Должна признать, что в Рождество претензий к моим порочным родителям у меня не было. Подарки, которые я от них получала, всегда становились предметом зависти домочадцев. В тот год мать прислала мне из Парижа позолоченную птичью клетку, полную игрушечных заводных колибри, которые щебетали, скакали по жердочкам и пили воду из фонтанчика. Еще в посылке были меховая шапка и золотой браслет с топазами. Притягательность этих вещей лишь возросла оттого, что тетя Сэди сочла их неподходящими для ребенка и во всеуслышанье

об этом заявила. Отец прислал мне пони с тележкой. Этот очень красивый и шеголеватый комплект прибыл заранее и до поры был припрятан Джошем на конюшне.

– Так типично для олуха Эдварда – прислать это сюда и создать нам хлопоты с переправкой в Шенли, – проворчал дядя Мэттью. – Бьюсь об заклад, бедная старушка Эмили тоже будет не слишком довольна. Кто, скажите на милость, будет за всем этим ухаживать?

Линда заплакала от зависти.

– Это несправедливо, что у тебя порочные родители, а у меня – нет, – всхлипывая, повторяла она.

Мы уговорили Джоша покатавать нас после обеда. Пони оказался сущим ангелом и легко подчинялся даже детям. Линда, надев мою шапку, правила лошадкой. Мы опоздали к началу елки – в доме уже толпились арендаторы с детьми. Дядя Мэттью, с трудом натягивая на себя костюм рождественского деда, зарычал на нас так яростно, что Линде пришлось подняться наверх, чтобы выплакаться, и ее не оказалось на месте, когда он раздавал подарки. Дядя Мэттью, приложивший определенные усилия, чтобы добыть страстно желаемую ею соню, окончательно вышел из себя. Он рычал на всех подряд и скрежетал вставными зубами. В семье бытовала легенда, что он в своей ярости уже стер четыре пары вставных челюстей.

Гнев достиг кульминации, когда Мэтт развернул коробку с фейерверками, которую из Парижа прислала ему моя мать. На крышке значилось: «Петарды». Кто-то спросил Мэтта:

– А что они делают?

Тот ответил:

– *Bien, ça pète, quoi?*⁷

Дядя Мэттью, до ушей которого донеслись эти слова, расвирепел не на шутку и задал неудачливому остряку первосортную трепку, которой тот, кстати, совершенно не заслужил, так как всего лишь повторил то, что утром услышал от Люсиль. Впрочем, Мэтт считал трепки неким неизбежным природным явлением, никак не связанным с его поступками, и принимал их с философским смирением. Впоследствии я часто задавалась вопросом, как случилось, что тетя Сэди доверила присмотр за своими детьми Люсиль, этому эталону вульгарности во всех ее проявлениях. Мы все любили нашу француженку, она была веселая, живая и без устали читала нам вслух, но ее язык действительно был чудовищным и скрывал убийственные подвохи для неосмотрительно копировавших его бедолаг.

– *Qu'est-ce que c'est ce, крем qu'on fout partout?*⁸

Никогда не забуду, как Мэтт совершенно невинно отпустил это замечание в кафе у Фуллера, куда дядя Мэттью привел нас, чтобы побаловать пирожными. Последствия были ужасны.

Видимо, дяде Мэттью никогда не приходило в голову, что Мэтт мог не знать смысла этих слов и разумнее было бы пресечь их поступление в наш лексикон из первоисточника.

⁷ Ну что, пукают (*фр.*).

⁸ Что это за крем тут повсюду рассовали? (*фр.*)

4

Разумеется, я ожидала приезда тети Эмили и ее жениха с некоторой тревогой. В конце концов, она стала мне настоящей матерью, и как бы сильно я ни тосковала по той блестящей порочной особе, которая меня родила, именно к тете Эмили я обращалась за теми настоящими, устойчивыми, хоть и не очень интересными внешне, отношениями, которые может дать материнство в его лучшем проявлении. Домашний уклад нашей маленькой семьи в Шенли был спокойным, счастливым и являлся абсолютной противоположностью полной турбулентности и бурных эмоций жизни в Алконли. Пусть у нас было скучновато, но в эту спокойную гавань я всегда возвращалась с великой радостью. Со временем я начала смутно осознавать, в какой мере все здесь вращается вокруг меня; сам распорядок дня, с его ранними обедом и вечерним чаем, был организован так, чтобы идеально соответствовать расписанию моих занятий и времени отхода ко сну. Только на каникулах, когда я уезжала в Алконли, тетя Эмили могла пожить для себя, но даже эти передышки были несчастными, поскольку она была убеждена, что дядя Мэттью и вся тамошняя грозная атмосфера вредны для моих нервов. Возможно, я не слишком хорошо осознавала, до какой степени тетя Эмили подчинила свое существование моим нуждам, но ясно понимала, что прибавление мужчины к нашему домашнему устройству неизбежно приведет к его коренным переменам. Почти не зная мужчин за пределами семьи, я воображала, что все они скроены по модели дяди Мэттью или моего редко видимого излишне пылкого отца, и предполагала, что любой из таковых в стенах нашего уютного убежища окажется совершенно чужеродным. Я была полна дурных предчувствий, почти что ужаса, и при мощном содействии живого воображения Луизы и Линды загнала себя в настоящий невроз. Луиза теперь дразнила меня «Вечной нимфой»⁹. Она зачитывала нам вслух последние главы романа, и вскоре я уже мысленно умирала в брюссельском пансионе на руках у мужа тети Эмили.

В среду тетя Эмили позвонила тете Сэди и они проговорили целую вечность. Телефон в Алконли в те дни находился в стеклянном шкафу для посуды, посреди ярко освещенной галереи в задней части дома; отводной трубки не было, и это делало подслушивание невозможным. (Впоследствии телефон перенесли в кабинет дяди Мэттью и установили параллельный аппарат, что свело всякую секретность разговоров к нулю.) Когда тетя Сэди вернулась в гостиную, она сказала только: «Эмили приезжает завтра поездом в три ноль пять. Она шлет тебе привет, Фанни».

На следующий день мы все отправились на охоту. Дети Рэдлеттов обожали диких животных, и особенно – лис. Рискавя быть жестоко выпоротыми, они спасали их, открывая выходы из нор, вскочив с постели в четыре утра, бежали подглядывать, как в бледно-зеленом полумраке леса играют их детеныши, плакали и смеялись, читая про Ренара-лиса¹⁰. И тем не менее больше всего на свете они, как, впрочем, и я, любили охотиться. Эта любовь пронизывала нашу плоть и кровь, была неистребима и лежала на нас, как печать первородного греха. В тот день я на три часа забыла обо всем, кроме самой себя и пони под собой; азарт гонки, полеты через ручьи, плеск и брызги, карабканье на холмы и соскальзывание вниз, упругость поводьев, бешеная скорость, земля и небо. Я не помнила себя и едва ли смогла бы назвать свое имя. Должно быть, так действует охота на не слишком здравомыслящих людей, овладевая ими полностью, и умственно, и физически.

⁹ Роман английской писательницы Маргарет Кеннеди «Вечная нимфа» повествует о том, как девочка-подросток влюбляется в друга семьи, который потом женится на ее кузине, и исследует взаимную ревность двух сестер.

¹⁰ Ренар-лис – герой французской средневековой сатирической эпопеи «Роман о Лисе».

Наконец Джош сопровождал меня домой. Мне никогда не разрешалось долго оставаться на воздухе, я уставала и всю ночь плохо себя чувствовала. Джош выехал за мной на второй лошади дяди Мэттью. Примерно в два часа пополудни он обменял ее на первую, запаренную до пены, и забрал меня с собой. Мой угар рассеялся, и я увидела, что день, такой яркий и солнечный вначале, теперь стал холодным и пасмурным и грозил дождем.

– А где ее светлость охотится в этом году? – спросил Джош, когда мы медленно поехали по десятимильному участку мерлинфордской дороги, пролегавшей по холмистому хребту и открытой всем ветрам, как ни одна другая известная мне дорога. Дядя Мэттью никогда не позволял подвозить нас к месту сбора и обратно домой на автомобиле; он считал, что мы не должны привыкать к презренному комфорту.

Я знала, что Джош имеет в виду Сумасбродку. Он служил у моего деда, когда она и ее сестры были еще девочками. Моя мать стала его кумиром, он ее обожал.

– Она в Париже, Джош.

– В Париже... А зачем?

– Полагаю, ей там нравится.

– Но! – яростно прищипил свою лошадь Джош, и мы еще с полмили проехали в молчании. Уже начался дождь. Мелкий и холодный, он заслонял всю окрестность по обеим сторонам дороги, а мы трусили сквозь него, подставив лица мокрому ветру. Моя спина не отличалась крепостью, и езда легкой рысью в дамском седле, даже короткое время, становилась для меня пыткой. Я свернула на обочину и пустила пони по траве легким галопом, хотя и знала, что Джош очень не одобряет это, потому что так лошадь приходит к концу пути слишком разгоряченной. Чересчур охлаждающая езда рысью тоже не годится, поэтому всю дорогу полагалось ехать мучительной для спины трусцой.

– Сдается мне, – проговорил наконец Джош, – что когда ее светлость не в седле, она попусту тратит свою жизнь.

– О, она превосходно ездит верхом, правда?

Я слышала все это от Джоша и раньше, но никак не могла послушаться.

– Нет лучше наездницы, чем она, другой такой я в жизни не видел, – просвистел Джош сквозь зубы. – Руки, как бархат, но сильные, как железо, а посадка!.. И вот смотрю я на вас, как вы ерзаете в этом седле, то туда, то сюда... К вечеру у лошади будет стерта спина – это уж как пить дать.

– Ох, Джош, эта рысь... А я так устала.

– Она никогда не бывала усталой. Я видел, как она после десятимильной скачки меняет лошадь на свежую молодую пятилетку, которую не выводили всю неделю. Вспорхнет на нее, как птичка, почти не опираясь на мою руку, одним духом подхватит поводья и перемахнет через ограду. Лошадь на дыбы, а она сидит как влитая. А вот возьмем его светлость (*это уже о дяде Мэттью*), умеет ездить, ничего не скажу, но посмотрите, в каком он виде возвращает лошадей домой – такими чертовски усталыми, что они даже не могут хлебать свое пойло. Да, он ездит хорошо, но совсем не чувствует лошадь. А вот ваша матушка всегда знала, когда довольно, и заворачивала прямиком домой, без оглядки. Не спорю, его светлость наездник на все сто, но он крупный мужчина, и хотя его лошади ему под стать, он их почти убивает. А кому потом возиться с ними всю ночь? Мне!

Дождь к этому времени уже лил как из ведра. Ледяная струйка проникла мне за воротник и ползла по левой лопатке, ботинки медленно наполнялись водой, а поясницу резало как ножом. Я чувствовала, что не могу больше терпеть, но знала, что должна как-то продержаться еще пять миль, а это целых сорок минут. Джош насмешливо поглядывал, как я сгибаюсь в три погибели, и явно недоумевал, как у моей матери могла родиться такая дочь.

– Мисс Линда-то, – сказал он, – пошла в ее светлость, прямо на удивление.

Мы наконец-то свернули с мерлинфордской дороги и спустились в долину к деревне Алконли, проехали ее, а затем поднялись по склону холма к поместью. Миновав ворота, мы двинулись по подъездной аллее на конный двор. Я через силу спешила, передала пони одному из помощников Джоша и, ковыляя, как старуха, тяжело поплелась к дому. Почти у дверей у меня внезапно екнуло сердце – я вспомнила, что к этому времени тетя Эмили должна уже быть здесь. С НИМ. Прошла целая минута, прежде чем я смогла собраться с духом и переступить порог.

И действительно, в холле спиной к камину стояли тетя Сэди, тетя Эмили и белокурый, небольшого роста молодой человек. По первому моему впечатлению, он был совсем не похож на мужа. Он выглядел мягким и любезным.

– А вот и Фанни, – хором констатировали мои тетки.

– Дорогая, – сказала тетя Сэди, – позволь представить тебе капитана Уорбека.

Я резким и неуклюжим движением четырнадцатилетней девочки протянула руку и подумала, что и на капитана жених тети Эмили тоже совсем не похож.

– О, милочка, как ты вымокла. Полагаю, остальных придется ждать еще целую вечность. Где ты их оставила?

– Они выкуривали лису из норы в рощице у «Старой Розы».

Вдруг я вспомнила (все же я находилась в присутствии мужчины), как ужасно всегда выгляжу, возвращаясь домой с охоты: забрызганная с ног до головы водой и грязью, в котелке набекрень и с прической, похожей на разоренное птичье гнездо. Пробормотав что-то невнятное, я направилась по задней лестнице принимать ванну и отдыхать. После охоты нас всегда держали в постели по меньшей мере часа два. Вскоре вернулась и Линда, еще более вымокшая, чем я, и залезла ко мне под одеяло. Она тоже видела капитана и согласилась, что он не похож ни на жениха, ни на военного.

– Невозможно представить, чтобы такой убивал немцев саперной лопаткой, – сказала она презрительно.

Как бы сильно мы ни боялись дядю Мэттью, как бы ни осуждали, а порой и ненавидели его, он по-прежнему оставался для нас своего рода мерилom английской мужественности. С любым мужчиной, который сильно от него отличался, по нашему мнению, было что-то не так.

– Вот увидишь, устроит ему дядя Мэттью веселую жизнь, – сказала я, полная тревоги за тетю Эмили.

– Бедная тетя Эмили, пожалуй, он прикажет держать ее жениха на конюшне, – захихикала Линда.

– Тем не менее выглядит этот капитан довольно мило. Думаю, тете Эмили вообще повезло хоть кого-то заполучить в ее возрасте.

– Никак не могу дождаться их встречи с Па.

Однако наши ожидания кровавой драмы завершились полным разочарованием. С самого начала стало очевидно, что дядя Мэттью проникся к капитану Уорбеку большой симпатией. Надо сказать, дядя никогда не менял своего первоначального мнения о людях, его немногочисленные фавориты могли творить что угодно и оставаться при этом в его глазах безгрешными ангелами. Так что с этих пор и навечно капитан Уорбек незыблемо утвердился у дяди Мэттью на хорошем счету.

– До чего умный и начитанный малый! У него столько способностей, вы не поверите. Он пишет книги, рецензирует картины и чертовски отменно играет на рояле. Правда, репертуар у него не слишком жизнерадостный. Но можно представить, как бы у него получались веселые мотивчики, из «Деревенской девушки» например. Сразу видно, он мастер на все руки.

За ужином капитану Уорбеку определили место рядом с тетей Сэди. От тети Эмили, сидевшей справа от дяди Мэттью, его отделяли не только мы, четверо детей (Бобу тоже было разрешено обедать в столовой, он уже на следующий семестр собирался в Итон), но также

и облака темноты. Обеденный стол освещался тремя электрическими лампами, гроздью свисавшими с потолка и занавешенными темно-красным японским шелком с золотой бахромой. Пучок яркого света падал лишь на середину стола, тогда как сами обедающие со своими приборами оставались в полном мраке. Мы все, конечно, не отрывали глаз от неотчетливой фигуры жениха и обнаружили в его поведении массу любопытного. Сначала он заговорил с тетей Сэди о садах, декоративных растениях и цветущих кустарниках – предмете, в Алконли никому не известном. «О саде заботится садовник», – вот и все, что мы могли бы сказать. Сад находился примерно в полумиле от дома, и туда мы почти не заходили, разве что слегка прогуляться в летнее время. Нам показалось странным, что человек, живущий в Лондоне, почему-то знает названия, особенности и лечебные свойства столь многих растений. Тетя Сэди вежливо старалась поспевать за ним, но полностью скрыть своего невежества так и не сумела, хотя частично и маскировала его за легким туманом рассеянности.

– А какая у вас здесь почва? – спросил капитан Уорбек.

Тетя Сэди со счастливой улыбкой спустилась с облаков на землю и, торжествуя, потому что это было то немногое, что она знала, ответила:

– Глина.

– Понятно, – сказал капитан.

Он достал маленькую коробочку, украшенную драгоценными камнями, вынул из нее огромную пилюлю, проглотил ее, к нашему изумлению, без единого глотка воды и пробормотал, как бы обращаясь к самому себе, но вполне отчетливо: «В таком случае вода здесь должна безумно крепить».

Когда дворецкий Логан предложил ему картофельный пирог с мясом (пища в Алконли всегда была качественной и обильной, но простой и незатейливой), он отказался с опять неизвестно к кому обращенными словами:

– Нет, спасибо, никакого мяса двойной термообработки. Я бедная развалина и должен быть осторожен, а не то будет плохо.

Тетя Сэди, которая настолько не любила рассуждения о здоровье, что люди часто принимали ее за последовательницу Христианской науки¹¹, каковой она и впрямь могла бы стать, если бы не испытывала еще большего отвращения к разговорам о религии, не обратила на слова своего гостя никакого внимания, но Боб заинтересовался ими и спросил, чем дважды обработанное мясо так вредит человеку.

– О, это создает страшную нагрузку на органы пищеварения, с таким же успехом можно жевать кожаную подошву, – тихо ответил капитан Уорбек, накладывая себе на тарелку горку салата. И тем же приглушенным голосом добавил: – Сырой латук хорош от цинги. – Открыв другую коробочку с пилюлями еще больших размеров, он вынул из нее две и пробормотал: – Протеин.

– Какой у вас вкусный хлеб, – сказал он тете Сэди, как бы извиняясь за неучтивость своего отказа от дважды обработанного мяса. – Уверен, в нем есть зародыши.

– Что? – переспросила тетя Сэди, отрываясь от совещания с Логаном («Спросите миссис Крэббл, не приготовит ли она быстренько еще немного салата»).

– Я говорю: уверен, что ваш вкусный хлеб изготовлен из цельнозерновой муки, содержащей пшеничные зародыши. У меня дома, на стене в спальне, висит изображение пшеничного зерна (разумеется, увеличенное), на нем можно увидеть зародыш. Как вы знаете, из пшеничного хлеба зародыш, с его удивительными целебными свойствами, удаляется – я бы сказал, экстрагируется – и добавляется в куриный корм. В результате чего человеческая раса слабеет, а куры с каждым поколением вырастают все крупнее и сильнее.

¹¹ Христианская наука – религиозное и этическое учение (возникло в 1866 г.), по которому всякая болезнь имеет духовное происхождение, а ее лечение должно быть основано на принципах Священного Писания.

– Значит, кончится тем, – воскликнула Линда, которая, в отличие от тети Сэди, на этот раз окруженной облаком скуки, вся горела от возбуждения и не пропустила ни единого слова, – что куры станут существами голубых кровей, а аристократы превратятся в кур. О, как бы мне хотелось жить в милом маленьком аристократическом птичнике!

– Тебе бы не понравились твои занятия, – сказал Боб. – Я однажды видел, как курица кладет яйцо, у нее было ужасное выражение лица.

– Это всего лишь как сходить в уборную, – парировала Линда.

– Так, Линда! – одернула ее тетя Сэди. – Это совершенно лишнее. Доедай свой ужин и не болтай.

В каком рассеянном состоянии ни пребывала бы тетя Сэди, рассчитывать на то, что от нее ускользнет абсолютно все происходящее, можно было не всегда.

– Так что вы говорили, капитан Уорбек? О каком-то эмбрионе?

– О, не об эмбрионе... о зародышах пшени...

В этот момент я заметила, что в темноте, на другом конце стола, дядя Мэттью и тетя Эмили завели один из своих обычных жарких споров – и он касается меня. Такие перепалки случались всякий раз, когда тетя Эмили приезжала в Алконли, но несмотря на это, было видно, что дядя Мэттью относится к ней с большой нежностью. Ему всегда нравились люди, которые умели дать отпор, а еще, вероятно, он видел в ней копию безмерно обожаемой им тети Сэди. Тетя Эмили была более уверенной, и в ней было больше характера. Не столь красивая, как тетя Сэди, она зато не была изнуренной родами, и они всегда были очень схожи. Моя же мать во всех отношениях отличалась от своих сестер, что объяснялось, по выражению Линды, тем, что она, бедняжка, была одержима сексом.

Сейчас дядя Мэттью и тетя Эмили спорили о том, что все мы слышали уже много раз. О женском образовании.

Дядя Мэттью:

– Хотелось бы верить, что школа, которую посещает Фанни (*слово «школа» произносится тоном иссушающего презрения*), приносит ей ту пользу, на которую ты рассчитываешь. Но она явно набирается там отвратительных выражений.

Тетя Эмили, спокойно, но решительно:

– Возможно, и так. Но она также получает там неплохое образование.

Дядя Мэттью:

– Образование! Я всегда полагал, что образованный человек никогда не скажет «письменная бумага», но тем не менее я слышал, как бедняжка Фанни просила Сэди дать ей именно «письменной». Что это за образование! Фанни говорит «выиграть победу» и «бежать сломя ноги», кладет в кофе сахар, носит зонтик с бахромой, и у меня нет сомнений, что если ей когда-нибудь посчастливится заполучить мужа, она будет называть его родителей папой и мамой. Сможет ли твое хваленое образование компенсировать этому несчастному бедолаге предстоящие ему бесконечные неловкие моменты? Воображаю себе чью-то жену, говорящую в обществе о «письменной» бумаге – это же невыносимо!

Тетя Эмили:

– Существует множество мужчин, которые сочтут более невыносимым иметь жену, никогда не слышавшую о Георге Третьем. (Но все-таки, Фанни, дорогая, эта бумага называется почтовой – не заставляй нас больше слышать о «письменной», будь так добра.) А вообще на то и семья, Мэттью, ведь домашнее влияние является весьма важной частью образования.

Дядя Мэттью:

– Ну вот... ты сама говоришь!

Тетя Эмили:

– Весьма важной, но ни в коем случае не главной.

Дядя Мэттью:

– Вовсе не обязательно посещать отвратительное учебное заведение для среднего класса лишь для того, чтобы узнать, кто такой Георг Третий. Кстати, кто это, Фанни?

Увы, мне никогда не удавалось блеснуть в таких случаях. Вот и сейчас из-за страха перед дядей Мэттью мои мысли смешались, и я, залившись краской, тихо выговорила:

– Король. Он сошел с ума.

– Весьма оригинальный и содержательный ответ, – саркастически заметил дядя Мэттью. – Да уж, ради такого стоило потерять все свое женское очарование, до последней капли. Ноги, как воротные столбы, от игры в хоккей, а уж посадка в седле – хуже некуда. Не успеет и посмотреть на лошадь, как у той уже спина натерта. Линда, ты, слава богу, не образована, что ты можешь сказать о Георге Третьем?

– Ну, – ответила Линда с набитым ртом, – он был сыном несчастного Фреда¹² и отцом жирного друга Красавчика Браммелла¹³, и еще одним из тех, колеблющихся, ну, вы знаете. «Я преданный слуга его величества – смотрите! А вы чьих будете? Ответьте – не томите!¹⁴», – непосредственно прибавила она. – О, какая прелесть!

Дядя Мэттью бросил на тетю Эмили взгляд, полный злорадного торжества. Я поняла, что подвела ее, и начала плакать, чем вдохновила дядю Мэттью на дальнейшие изуверства.

– Это счастье, что у Фанни будет пятнадцать тысяч фунтов годового дохода, – сказал он. – Уже молчу о том, что приберет к рукам Сумасбродка в ходе своей карьеры. Фанни, конечно, найдет себе мужа, даже если станет называть чулан кладовкой, а почтовую бумагу – письменной и пить чай, сначала наливая в чашку молоко. Я лишь предупреждаю, что ее муж, бедняга, запьет горькую.

Тетя Эмили свирепо посмотрела на дядю Мэттью. Она старалась скрывать от меня, что я богатая наследница, пусть и до тех пор, пока мой отец, здоровый и крепкий мужчина в самом расцвете лет, не заведет себе жену, еще способную рожать детей. Так случилось, что ему, подобно представителям ганноверской династии, нравились лишь те женщины, которым перевалило за сорок. После того, как сбежала моя мать, потянулась череда его браков со стареющими женщинами, которых никакие чудеса современной науки уже не смогли бы сделать плодородными. Кроме того, взрослые ошибочно считали, что мы, дети, пребываем в неведении относительно того, что мою мать они величают Сумасбродкой.

– Все это не имеет отношения к делу, – сказала тетя Эмили. – Допустим, у Фанни и будет в отдаленном будущем некоторое количество денег (хотя нелепо говорить о пятнадцати тысячах фунтов). Независимо от этого, мужчина, за которого она выйдет, возможно, будет способен ее содержать. Но, учитывая реалии современного мира, почему бы не допустить, что ей придется самой зарабатывать себе на жизнь? В любом случае она вырастет более зрелым, более счастливым, более любознательным и интересным человеком, если...

– Если будет знать, что Георг Третий был королем и сошел с ума.

И все-таки моя тетя была права, мы обе это знали. Дети Рэдлеттов читали много, но системно и урывками. Книги они брали в библиотеке Алконли – образцовом по качеству собранию девятнадцатого века, составленном их дедом, весьма культурным и просвещенным человеком. Но, вбирая изрядное количество разнородных сведений, сдабривая их своей собственной оригинальной интерпретацией и прикрывая остающиеся дыры невежества заплатками шарма и остроумия, они так и не приобрели привычку к концентрации и были не способны к серьезной и упорной работе. Результатом этого в последующей жизни стала их неспособность переносить скуку. Бури и трудности оставляли их невозмутимыми, но обыденное существование

¹² Речь идет о Фредерике, сыне короля Георга II, принце Уэльском.

¹³ Джордж Брайен Браммелл (1778–1840) – светский лев и близкий друг короля Георга IV в бытность его принцем-регентом.

¹⁴ Эпиграмма поэта Александра Поупа.

пытало их унынием и тоской, по причине полного отсутствия у них хотя бы капли умственной дисциплины.

Когда мы после ужина медленно выдвинулись из столовой, капитан Уорбек сказал:

– Нет, не надо портвейна, благодарю вас. Это очень вкусный напиток, но я должен отказаться. В нем содержится кислота, которая в наше время делает человека таким болезненным.

– Так вы, наверное, в прошлом были большим любителем портвейна? – спросил дядя Мэттью.

– О, только не я, я никогда к нему не прикасался. Мои предки...

Некоторое время спустя, когда они присоединились к нам в гостиной, тетя Сэди сказала:

– Дети уже знают вашу новость.

– Полагаю, они потешаются от души, ведь такие старики собрались пожениться, – промолвил капитан Уорбек.

– О нет, что вы, – вежливо запротестовали мы, покраснев.

– Он исключительный парень, – сказал дядя Мэттью, – знает все на свете. Говорит, что эта сахарница времен Карла Второго – только представьте себе! – всего лишь георгианская подделка под старину и не имеет абсолютно никакой ценности. Завтра мы обойдем дом, я покажу вам все вещи, и вы сможете объяснить нам, что есть что. Должен признаться, очень полезно иметь в семье такого человека.

– С удовольствием. Это будет очень мило, – рассеянно сказал Уорбек. – А теперь, если не возражаете, я пойду спать. А рано утром принесите мне чаю, пожалуйста, – так важно возместить ночное испарение жидкости.

Он обменялся со всеми рукопожатием и заспешил из комнаты, бормоча себе под нос:

– Сватовство так утомляет.

– Дэви Уорбек – достопочтенный, – объявил Боб, когда мы утром спускались к завтраку.

– Да, он кажется умопомрачительным достом, – сонно ответила Линда.

– Нет, по-настоящему. Смотрите, вот ему письмо. Достопочтенному Дэвиду Уорбеку. Я посмотрел в справочнике, и он там есть.

Любимой книгой Боба в ту пору был справочник титулованных семейств Англии, он так и жил, уткнувшись в него носом. Результатом этих изысканий, в частности, стала информация, которую Боб сообщил Люсиль: «Les origines de la famille Radlett sont perdues dans les brumes de l'antiquité».¹⁵

– Он всего лишь младший сын, а титул наследует старший, так что, боюсь, тете Эмили не светит стать леди. Его отец – только второй барон в их роду, первый получил титул в 1860 году, а сам род ведется лишь с 1720 года, а до этого была женская линия. – Голос Боба замер. – Тише...

Мы услышали, как Дэви Уорбек, спускаясь по лестнице, говорит дяде Мэттью:

– О нет, это не может быть Рейнольдс¹⁶. В крайнем случае Принс Хор¹⁷, и из худших его вещей.

– Не хотите ли свинячьего разума, Дэви? – Дядя Мэттью приподнял крышку с горячего блюда.

– О да, пожалуйста, Мэттью, если вы имеете в виду мозги. Они так хорошо усваиваются.

– А после завтрака я хочу показать вам нашу коллекцию минералов. Бьюсь об заклад, вы увидите нечто стоящее. Она считается лучшей в Англии. Ее оставил мне мой старый дядя, собиравший эти минералы всю жизнь. А кстати, ваше мнение о моем орле?

¹⁵ Происхождение рода Рэдлеттов теряется во мгле глубокой древности (*фр.*).

¹⁶ Джошуа Рейнольдс (1723–1792) – английский живописец.

¹⁷ Принс Хор (1755–1834) – английский живописец.

– Ах, если бы он был китайским, это было бы сокровище. Но японский, боюсь, не стоит той бронзы, из которой отлит. Мне апельсинового джема, пожалуйста, Линда.

После завтрака все мы столпились в северной галерее, где в застекленных шкафах хранились сотни камней. Таблички гласили: такая-то окаменелость, такое-то ископаемое. Наиболее захватывающими экспонатами были плавиковый шпат и лазурит, а наименее – большие куски кремня, словно подобранные на обочине дороги. Ценные и уникальные – все они были семейной легендой. «Минералы из северной галереи достойны того, чтобы демонстрироваться в музее». Мы, дети, перед ними благоговели. Дэви внимательно рассматривал их, поднося некоторые к окну, чтобы лучше изучить при свете. Наконец он тяжело вздохнул и сказал:

– Какая прекрасная коллекция. Но, полагаю, вы знаете, что вся она поражена болезнью?

– Поражена?

– Да, и болезнь зашла слишком далеко. Через год-другой все эти минералы будут мертвы – вы можете хоть сейчас их спокойно выбросить.

Дядя Мэттью пришел в восторг.

– Вот неумный малый, – сказал он, – все ему не так. Первый раз вижу такого человека. Даже минералы у него болеют ящуром!

5

В год замужества тети Эмили произошло наше с Линдой преобразование. Из девочек, внешне и внутренне кажущихся моложе своего возраста, мы превратились в подростков, слоняющихся без дела в ожидании любви. Теперь я проводила почти все свои каникулы в Алконли. Дэви, как и другие любимцы дяди Мэттью, отказывался видеть в нем что-либо пугающее и с негодованием отвергал теорию тети Эмили о том, что слишком долгое пребывание в его обществе очень вредно для моих нервов.

– Ты просто нюня, – отмахнулся он, – если позволяешь себе огорчаться из-за этого старого картонного пугала.

Дэви забросил свою квартиру в Лондоне и жил с нами в Шенли, где в течение учебного года почти не приносил изменений в нашу жизнь, разве что своим мужским присутствием благотворно влиял на пространство, в котором обитают одни женщины (занавески, покрывала и одежда тети Эмили претерпели громадные перемены к лучшему). Но в каникулы Дэви предпочитал увозить жену к своим родственникам или за границу, меня же пристраивали в Алконли. Тетя Эмили, вероятно, рассудила, что если выбирать между желаниями ее мужа и моей нервной системой, склониться следует к первому. Несмотря на возраст, они были, я уверена, очень влюблены друг в друга. Наверное, мое присутствие в доме им сильно мешало, но надо отдать должное – они ни разу, ни на миг не дали мне почувствовать это. Собственно говоря, и тогда, и теперь Дэви остается для меня идеальным отчимом – любящим, понимающим, не докучающим никогда и ничем. Он сразу же принял меня как нечто неотъемлемое от тети Эмили и никогда не ставил под вопрос неизбежность моего присутствия в его семье.

К рождественским каникулам Луиза уже официально выезжала в свет и присутствовала на охотничьих балах. Мы умирали от жгучей зависти, хотя Линда пренебрежительно говорила, что толпы поклонников вокруг Луизы что-то не наблюдается. Нам предстояло ждать своей очереди еще два года, и они казались целой вечностью, особенно Линде, тоскующей по любви, от мыслей о которой ее не могли отвлечь никакие уроки или иные занятия. Собственно говоря, у Линды не осталось других интересов, кроме любви и охоты. Но даже животные, похоже, утратили для нее свое былое очарование. Дни, когда мы не охотились, посвящались безделью. Мы сидели в своих твидовых костюмах, из которых уже выросли так, что крючки и петли постоянно отрывались на талии, и раскладывали бесконечные пасьянсы или хохотали до упаду в чулане достов и занимались измерениями. У нас была мерная лента, и мы состязались в величине наших глаз, тонкости запястий, лодыжек, талий и шей, длине ног и пальцев и так далее. Линда всегда побеждала. Покончив с замерами, мы заводили невинные разговоры о любви и романтике. Любовь и брак в то время были для нас синонимами. Мы знали, что они длятся вечно – до самой могилы и после нее. Наша заинтересованность грехом закончилась. Боб, вернувшись из Итона, рассказал нам об Оскаре Уайльде все до конца, и теперь, когда его грех перестал быть тайной, он казался нам скучным и неромантичным.

Мы с Линдой, конечно, были влюблены, и обе – в мужчин, с которыми даже не были знакомы: Линда – в принца Уэльского, а я – в толстого, краснолицего фермера средних лет, которого изредка видела проезжающим на лошади через Шенли. Наши чувства были сильными и болезненно сладостными. Они занимали все наши мысли, но мы уже начинали понимать, что со временем эти объекты любви уступят место кому-то реальному. А пока им надлежало, так сказать, согреть места в наших сердцах для их будущих, постоянных обитателей. Вероятность появления новых возлюбленных после замужества мы категорически отвергали. Мы стремились к настоящей любви, а такая могла прийти только раз в жизни; она освящается законом и впоследствии уже не может пошатнуться. Мужья, как мы знали, не всегда хранят

верность, к этому нужно быть готовыми и уметь понимать и прощать. Выражение: «Я был по-своему верен тебе, Синара», на наш взгляд, прекрасно это объясняло. Но женщины – другое дело; только самые низкие представительницы нашего пола могли любить и отдаваться больше, чем единожды. Я не очень понимаю, как подобные убеждения могли спокойно уживаться во мне с восторженным преклонением перед моей матерью, этой прелюбодействующей куклой. Полагаю, я относилась к совершенно отдельной категории женщин, к тем из них, чей лик, подобно лику Елены Троянской, «зовет в поход армады кораблей»¹⁸. По нашему мнению, лишь нескольким историческим персонажам не возбранялось принадлежать к этой категории, но сами мы с Линдой были перфекционистками во всем, что касалось любви, и не стремились к славе такого рода.

В эту зиму дядя Мэттью приобрел новую пластинку для своего граммофона. Она называлась «Тора». «Я живу на земле роз, – гремело теперь на весь дом, – но мечтаю о земле снегов. Поговори, поговори, поговори со мною, Тора». Дядя проигрывал пластинку утром, днем и вечером; она отлично вписывалась в наше настроение, и имя Тора стало казаться нам самым пронзительным и красивым из всех имен.

Вскоре после Рождества тетя Сэди собралась устроить бал в честь Луизы, мы возлагали на него большие надежды. Конечно, ни принц Уэльский, ни мой фермер в списке приглашенных не значились, но, как сказала Линда, чем черт не шутит, если живешь в деревне. Кто-то может их к нам привезти. Принц, например, рискует попасть в автомобильную аварию по дороге в Бадминтон. И что может быть естественнее в подобных обстоятельствах, чем решение заглянуть к нам на пирушку, чтобы скоротать время?

– Умоляю, скажите, кто эта красивая юная леди?

– Моя дочь Луиза, сэр.

– О... да, она очаровательна, но я имел в виду вон ту, в наряде из белой тафты.

– Это моя младшая дочь Линда, ваше королевское высочество.

– Прошу вас, представьте ее мне.

И они закружатся в вальсе – так изысканно, что другие танцоры расступятся и восхищенно застынут в стороне. Они устанут танцевать и проведут остаток вечера, поглощенные остроумным разговором.

На следующий день принц попросит ее руки.

– Но она еще так молода!

– Его Королевское высочество готов подождать год. Он напоминает вам, что Ее Величество императрица Елизавета Австрийская вышла замуж в шестнадцать лет. А пока он шлет в подарок это украшение.

Золотая шкатулка, на розовой подушечке – бриллиантовая роза.

Мои мечты были менее пафосными, но в равной степени невероятными и такими же живыми для меня. Я воображала, как мой фермер, усадив меня в седло у себя за спиной, словно молодой Лохинвар¹⁹ несется к ближайшей кузне, где кузнец объявляет нас мужем и женой. Линда милостиво обещала нам одну из королевских ферм, но я подумала, что это было бы ужасно скучно, и решила завести свою собственную.

А между тем приготовления к балу шли полным ходом, вовлекая в хлопоты всех домоладцев до единого. Нам с Линдой шили платья из белой тафты с разлетающимися вставками и поясами, расшитыми бисером. Желая посмотреть, как продвигается дело, мы беспрестанно осаждали коттедж портнихи миссис Джош. Платье Луизы прибыло из Ревилы, оно было сшито из серебряной парчи и украшено крохотными оборками, окаймленными голубым тюлем, и неуместно болтающейся на левом плече большой, непомерно раздутой шелковой розой. Тетя

¹⁸ Отсылка к трагедии Кристофера Марло (1564–1593) «Трагическая история доктора Фауста».

¹⁹ Лохинвар – рыцарь, персонаж поэмы Вальтера Скотта «Лохинвар».

Сэди, вытряхнутая предстоящим мероприятием из своего обычного мечтательного настроения, пребывала в состоянии превеликой озабоченности и беспокойства. Мы никогда раньше не видели ее такой. Кроме того, впервые на нашей памяти она оказала сопротивление дяде Мэттью. Причиной послужило следующее. Ближайшим соседом Рэдлеттов был лорд Мерлин; его владения граничили с землей дяди Мэттью, а дом в Мерлинфорде находился в пяти милях от Алконли. Дядя Мэттью терпеть не мог лорда Мерлина, придумавшего себе телеграфный адрес: «Позли соседа». Однако явного разрыва отношений не было. Они никогда не виделись вовсе не поэтому, просто лорд Мерлин не любил охоту и рыбную ловлю, а дядя Мэттью, как известно, никогда в жизни не принимал пищу за чужим столом. «Можно отлично поесть и дома», – говорил он, и приглашать его в гости давным-давно перестали. Эти два человека – как, безусловно, и их дома и поместья – были полной противоположностью друг другу. Дом в Алконли, огромный урод в георгианском стиле, смотрел парадным фасадом на север и строился лишь для того, чтобы укрыть от непогоды бесконечную череду поколений сельских сквайров, их жен, многочисленных детей, собак, лошадей, вдовствующих бабушек и незамужних сестер. Никаких украшательств, смягчений линий, излишеств. Мрачный и голый, он торчал на склоне холма, как большая казарма. Главной темой его интерьера была смерть. Но не смерть юных дев с их романтическими атрибутами в виде урн, плакучих ив, кипарисов и прощальных од, а суровая и грубая смерть воителей и животных. По стенам в беспорядке были развешены алебарды, пики и древние мушкеты, чередующиеся с головами зверей, добытых в разных странах, флагами и военным облачением прежних Рэдлеттов. Застекленные шкафы хранили не миниатюры с изображением женских головок, а медали, завоеванные в бою, подставки для ручек, сделанные из тигрового зуба, подкову любимой лошади, телеграммы о гибели на поле брани, пергаментные свитки с извещениями о присвоении воинских званий. Все это лежало вперемешку, в полном беспорядке с незапамятных времен.

Мерлинфорд же расположился в долине, обращенной на юго-запад, среди фруктовых садов и старых золотисто-коричневых фермерских коттеджей. Это была вилла, построенная примерно в то же время, что и Алконли, но совершенно иным архитектором и с совершенно иной целью. Этот дом был задуман для жилья, а не для того чтобы, выскакивая из него, изо дня в день годами убивать врагов и животных. Он был приспособлен для холостяка или супружеской четы с одним или двумя, не более, красивыми, умными и нежными детьми. Там были потолки, расписанные Ангеликой Кауфман²⁰, чиппендейловская лестница²¹, мебель работы Шератона²² и Хэпплуайта²³. В холле висели две картины Ватто²⁴, и нигде не наблюдалось ни саперной лопатки, ни головы убитого животного.

Лорд Мерлин постоянно пополнял свое собрание красот. Он был страстным коллекционером, и не только здешнее поместье, но и его дома в Лондоне и Риме были набиты сокровищами. Дошло до того, что известный антиквар из Сент-Джеймса счел целесообразным открыть свой филиал в столь маленьком городке, как Мерлинфорд, и прельщать лорда Мерлина изысканными предметами искусства во время его утренних прогулок. А вскоре примеру антиквара последовал и ювелир с Бонд-стрит. Его светлость обожал драгоценности. Две его черные борзые носили бриллиантовые ожерелья, созданные для более белых, но не таких тонких и грациозных шеек. Это было проявлением многолетней политики «Позли соседа». Среди местного

²⁰ Ангелика Кауфман (1741–1807) – немецкая художница, график, представительница неоклассицизма. Одна из двух женщин – основателей Королевской академии в Лондоне в 1768 году.

²¹ Томас Чиппендейл (1718–1779) – крупнейший мастер английского мебельного искусства эпохи рококо и раннего классицизма.

²² Томас Шератон (1751–1806) – крупная фигура в английском мебельном искусстве конца XVIII века.

²³ Джордж Хэпплуайт (1727–1786) – английский мастер-мебельщик, рисовальщик, архитектор и декоратор позднегеоргианского стиля, высшей стадии английского классицизма.

²⁴ Жан Антуан Ватто (1684–1721) – французский живописец.

дворянства бытовало мнение, что таким образом лорд Мерлин ввергает добропорядочных обывателей в соблазн. Проходил год за годом, а бриллианты все так же сверкали на этих покрытых шерстью шеях и злили соседей лорда Мерлина вдвойне.

Его пристрастия не ограничивались лишь антиквариатом, он сам был и художник, и музыкант, и приверженец всего нового. Окрестности Мерлинфорда постоянно оглашались звуками современной музыки. Лорд Мерлин построил в своем саду маленький, но прелестный театр, куда изумленные соседи иногда приглашались посмотреть на такие головоломки, как пьесы Кокто²⁵, опера «Махагони»²⁶ или новейшие сумасбродства дадаистов²⁷ из Парижа. Поскольку лорд Мерлин был известным любителем розыгрышей, порой бывало трудно распознать, где кончаются его шутки и начинается культурное действие. Я думаю, он и сам не всегда был вполне уверен.

Мраморная беседка на соседском холме была увенчана золотым ангелом, который каждый вечер трубил в трубу в час рождения лорда Мерлина («И что ему мешало родиться чуть пораньше, – сетовали в округе, – ведь в 9.20 пополудни напоминать о начале новостей Би-би-си уже слишком поздно».) Днем беседка переливалась блеском полудрагоценных камней, а по ночам на нее наводился мощный луч голубого света.

Такой человек, как лорд Мерлин, был обречен стать легендой для грубовато-прямодушных котсуолдских сквайров, среди которых он жил. Они, конечно, не могли одобрить его образа жизни, исключая умерщвление (но отнюдь не поедание) вкусной дичи, и были весьма озадачены его эстетством и поддразниваниями, но, безусловно, воспринимали его как одного из своих. Их семьи охотно знали с его семьей, и все прекрасно помнили его отца, владельца своры гончих и весьма популярного много лет назад главу охотничьего общества. Сам же он был не выскочкой и не нуворишем, а просто благодушной насмешкой над нормами английской сельской жизни. И даже его беседка, хоть и признанная абсолютно отталкивающей с виду, приветствовалась как ориентир для тех, кто заблудился на пути домой с охоты.

Разногласия между тетей Сэди и дядей Мэттью были не по поводу того, приглашать лорда Мерлина на бал или нет (этот вопрос вообще не возникал, поскольку все соседи приглашались автоматически), а по поводу друзей, гостящих у него в Мерлинфорде. Тетя Сэди считала, что их тоже следует пригласить. В ее браке почти не было суетных мирских развлечений, но она успела повидать свет в девичестве и понимала, что друзья лорда Мерлина, если будет позволено их привезти, станут украшением бала. Кроме того, она знала, что в целом ее бал будет полнейшей и чудовищной безвкусицей, и страстно желала еще раз взглянуть на молодых женщин с хорошими прическами, лондонским цветом лица и в парижских нарядах. Тогда дядя Мэттью сказал:

– Если мы попросим эту скотину Мерлина привезти своих друзей, то получим уйму эстетов и бездельников из Оксфорда. Я не удивлюсь, если он притащит и каких-нибудь иностранцев. Я слышал, что у него иногда гостят лягушатники с макаронниками. Я не потерплю, чтобы мой дом наводнился этой шушерой.

Но закончилось тем, что тетя Сэди, как обычно, добилась своего и принялась за письмо:

*Дорогой лорд Мерлин!
Мы устраиваем небольшой танцевальный вечер для Луизы... и так
далее.*

Дядя Мэттью, исчерпав все свои доводы, мрачно удалился и завел «Тору».

²⁵ Жан Кокто (1889–1963) – французский писатель, поэт, драматург, художник, сценарист и кинорежиссер. Одна из крупнейших фигур французской культуры XX века.

²⁶ «Расцвет и падение города Махагони» – опера в 3 частях Курта Вайля на либретто Бертольта Брехта, созданная в 1929 году.

²⁷ Дадаизм – модернистское литературно-художественное течение первой четверти XX века в Швейцарии, Франции и т. д.

Лорд Мерлин принял приглашение и написал, что привезет с собой компанию из двенадцати человек, чьи имена он сообщит чуть позже. Это было очень корректное, абсолютно нормальное послание. Тетя Сэди, вскрыв конверт, была приятно удивлена, что в письме не содержится ни одной обидной шутки. На почтовой бумаге, однако, красовалось изображение дома лорда Мерлина, и потому она скрыла письмо от дяди Мэттью. Подобных вещей он совершенно не выносил.

Через несколько дней последовал еще один сюрприз. Пришло второе письмо от лорда Мерлина, в котором тот по-прежнему без шуток, вежливо приглашал дядю Мэттью, тетю Сэди и Луизу на ежегодный благотворительный обед в пользу мерлинфордской больницы. Дядю Мэттью, конечно, уговорить не удалось, но тетя Сэди и Луиза поехали. Назад они вернулись с округлившимися от изумления глазами. Дом, сказали они, был так жарко натоплен, что холод не ощущался ни на секунду, даже когда они сняли пальто в прихожей. Они приехали рано, задолго до того, как другие гости стали спускаться вниз. (В Алконли было принято покидать дом с запасом времени – на случай, если спустит колесо.) Так что они смогли как следует осмотреться. Дом был полон весенних цветов и чудесно благоухал. В оранжереях Алконли тоже росли цветы, но они почему-то никогда не находили дороги в дом, а если бы и нашли, то умерли бы там от холода. На гончих, как рассказала тетя Сэди, действительно были бриллиантовые ожерелья, гораздо более роскошные, чем у нее самой, и она была вынуждена признать, что собаки выглядели в них очень красиво. По всему дому летали совершенно ручные райские птицы, и один из молодых людей сказал Луизе, что если бы она приехала днем, то увидела бы стаю разноцветных голубей, порхающих в небе, как облако конфетти.

- Мерлин каждый год их красит, а потом они сохнут в бельевом чулане.
- Но ведь это ужасно жестоко! – воскликнула шокированная Луиза.
- Нет-нет, голуби это обожают. Их мужья и жены вылетают оттуда такими красивыми.
- А как же их глазки?
- Чтобы не попала краска, они быстро приучаются их закрывать.

Компания гостей, которые наконец выползли из своих спален (некоторые безобразно поздно), благоухала еще чудеснее, чем цветы, и выглядела еще экзотичнее, чем райские птицы. Все они были очень милы и очень любезны с Луизой. За обедом она сидела между двумя красивыми молодыми людьми и, чтобы завести разговор, задала свой привычный вопрос:

- Скажите, а где вы охотитесь?
- Мы не охотимся, – ответили они.
- Тогда почему на вас алые рединготы?
- Потому что это красиво, вы не находите?

Мы все расхохотались, но согласились, что дяде Мэттью рассказывать об этом нельзя, иначе он может запретить мерлинфордской компании приезжать на бал.

После обеда девушки повели Луизу наверх. Сначала ее немного ошаршили печатные объявления в гостевых комнатах:

**В СВЯЗИ С ОБНАРУЖЕНИЕМ
НЕОПОЗНАННОГО ТРУПА В РЕЗЕРВУАРЕ
ПРОСЬБА НЕ ПИТЬ ВОДУ ИЗ-ПОД КРАНА**

**ГОСТЕЙ ПРОСЯТ НЕ СТРЕЛЯТЬ, НЕ ТРУБИТЬ В ОХОТНИЧЬИ
РОГА, НЕ ВИЗЖАТЬ И НЕ УХАТЬ МЕЖДУ ПОЛУНОЧЬЮ И ШЕСТЬЮ
ЧАСАМИ УТРА**

А на двери одной спальни висело следующее:

ЗДЕСЬ ПРОИЗВОДИТСЯ РАСПЛЮЩИВАНИЕ

Вскоре Луизе объяснили, что все это шутки.

Девушки предложили ей воспользоваться их пудрой и губной помадой, но она не осмелилась из страха, что это заметит тетя Сэди. Луиза сказала, что от косметики остальные выглядели просто очаровательными.

С приближением долгожданного дня бала в Алконли стало очевидно, что тетя Сэди чем-то омрачена. Все вроде бы шло гладко, шампанское уже прибыло, струнный оркестр Клиффорда Эссекса заказан, коттедж миссис Крейвен, в котором музыканты будут отдыхать, готов. Миссис Крэббл, при содействии трех женщин из деревни, собиралась удивить гостей знатным ужином. Дядя Мэттью согласился приобрести двадцать мазутных печей, чтобы с их помощью превзойти ласкающее тепло Мерлинфорда, а садовник получил указание переправить в дом все до единого горшки с цветами.

– Осталось только перекрасить белых кур, – съязвил дядя Мэттью.

Приготовления, казалось, шли как по маслу, и все же лоб тети Сэди тревожно морщился из-за того, что она собрала большую гостевую компанию из девушек и их мамаш, но не разбавила ее достаточным количеством молодых людей. Ровесницы тети Сэди были рады привезти своих повзрослевших дочерей, но с сыновьями дело обстояло иначе. Партнеры по танцам в это время года пользовались повышенным спросом. Перекормленные приглашениями, они были не настолько глупы, чтобы по первому свистку тащиться в Глостершир, в дом, где ты еще ни разу не бывал и не можешь быть уверен, что найдешь там тепло, роскошь и тонкие вина, которые привык получать как должное, где нет перспективы встретить хоть одну известную в твоём кругу чаровницу и где не обещают верховую прогулку, не говоря уже об охоте, хотя бы на пернатую дичь.

Дядя Мэттью слишком уважал своих лошадей и фазанов, чтобы отдать их на поругание каким-то неизвестным безусым юнцам.

Таким образом, возникла патовая ситуация. Десять особ женского пола – четыре матери и шесть девиц – стекались из разных концов Англии, чтобы оказаться в доме, где их ждут еще четыре женщины (мы с Линдой были не в счет, но тем не менее тоже носили юбки, а не брюки и слишком повзрослели для того, чтобы держать нас в классной комнате безвыходно) и только двое мужчин, один из которых не вырос из коротких штанишек.

Телефон раскалился докрасна, по всем направлениям полетели телеграммы. Тетя Сэди отбросила всякую гордость, перестала притворяться, что дела идут как надо и она приглашает мужчин ради них самих, и исторгла несколько отчаянных криков о помощи. Мистер Уиллс, викарий, согласился оставить миссис Уиллс дома и отобедать в Алконли без дамы. Это была первая их разлука за сорок лет. Миссис Астер, жена поставщика, пошла на такую же жертву, а ее младший сын, которому не исполнилось еще и семнадцати, был спешно отправлен в Оксфорд покупать себе готовый фрак.

Дэви Уорбеку было велено оставить дома тетю Эмили и приехать одному. Он согласился, но неохотно и лишь после того, как осознал истинные масштабы катастрофы. Пожилые кузены и дядюшки, о которых многие годы никто не вспоминал, были побеспокоены, как загробные духи, и призваны материализоваться. Почти все они отказались, причем некоторые – в весьма грубой форме, каждого из них в свое время так глубоко обидел дядя Мэттью, что о прощении не могло быть и речи.

Наконец дядя Мэттью почувствовал, что должен взять ситуацию под свой контроль. Он и гроша ломаного не дал бы за этот бал и не вменял себе в обязанность ублажать гостей, считая их скорее неотвратимой ордой варваров, чем компанией дорогих его сердцу друзей, созванных для совместного развлечения и веселого пиршества. Его интересовало лишь душевное спокойствие тети Сэди. Дядя Мэттью не мог видеть ее такой взвинченной и решил принять меры. Он поехал в Лондон и посетил последнее перед каникулами заседание Палаты лордов. Эта поездка оказалась исключительно плодотворной.

– Стромболи, Пэдингтон, Форт-Уильям и Кертли приняли предложение, – сообщил он тете Сэди с видом фокусника, извлекающего из маленького винного бокала четырех чудесных жирных кроликов. – Но мне пришлось пообещать им охоту... Боб, походи скажи Крейвену, что я хочу его видеть завтра утром.

Благодаря всем этим ухищрениям количество мужчин и женщин за обеденным столом теперь должно было сравняться, и тетя Сэди вздохнула с огромным облегчением, хотя едва не расхохоталась при мысли о кроликах дяди Мэттью. Лорд Стромболи, лорд Форт-Уильям и герцог Пэдингтон прежде были ее собственными партнерами по танцам. Сэр Арчибальд Кертли, заведующий библиотекой Палаты лордов, был известным любителем званых обедов в узком кругу высокообразованных интеллектуалов, но ему было за семьдесят и его мучил артрит. После обеда, во время танцев, будет, конечно, похуже. За мистером Уиллсом станет ходить хвостом миссис Уиллис, за капитаном Астером – миссис Астер, на дядю Мэттью и Боба как на партнеров особо рассчитывать не приходится, а гости из Палаты лордов, наверное, направятся не в танцевальный зал, а к карточному столу.

– Боюсь, девушкам придется надеяться только на себя, – задумчиво сказала тетя Сэди.

В каком-то смысле, однако, все было к лучшему. Этих гостей дядя Мэттью выбрал сам из числа его собственных друзей, а стало быть, есть большая вероятность того, что он будет с ними вежлив. По крайней мере, они знают, каков его характер. Тетя Сэди понимала, что приглашать в дом посторонних молодых людей очень рискованно. Дядя Мэттью не выносил чужаков и не любил молодежь; сама мысль о вероятных поклонниках его дочерей была ему невыносима. Тетя Сэди предвидела будущие затруднения, но часть из них была уже с горем пополам преодолена.

И вот он, бал. Жизнь, которую мы страстно вожелели долгие годы, начинается прямо сейчас, вызывая удивительное чувство, будто все происходит не на самом деле, а во сне. Только, увы, совсем не так, как нам мечталось. Сон оказался не из лучших, надо признать. Мужчины – все такие низенькие и неинтересные, женщины – невзрачные и одеты безвкусно, а их лица так неприглядно покраснели от близости мазутных печей, дающих больше смрада, чем тепла. Но главное – мужчины либо слишком стары, либо слишком уродливы. Когда кто-то из них (явно побуждаемый добрым Дэви, старающимся, чтобы мы не скучали на своем первом балу) приглашает танцевать, ты не плывешь в восхитительной дымке, отдавшись в надежные мужественные руки, ваш танец – это одни лишь спотыкания, толчки соседей, и больше ничего. Твой партнер балансирует на одной ноге, словно Король Аист, а другой, словно Король Чурбан²⁸, наступает тебе на палец. Что же до остроумной беседы, то редко ее, даже самой банальной и бессвязной, хватало на целый танец или промежуток между танцами, и в основном это было: «Ох, простите... Ох, виноват». Правда, Линда смогла-таки сводить одного из своих партнеров полюбоваться пораженными болезнью минералами, но большого удовольствия от этого, конечно, не получила.

Мы никогда толком не учились танцевать и наивно предполагали, что это умение дается каждому легко, естественно и от природы. Думаю, Линда в один день смогла осознать то, на что мне потребовались годы – естественность не имеет никакого отношения к поведению цивилизованного человека, все в нем – притворство и искусство, лишь более или менее отточенные.

Вечер был спасен от полного провала мерлинфордской компанией, которая явилась так поздно, что мы даже успели о ней позабыть. Но как только новые гости поздоровались с тетей Сэди и отправились танцевать, атмосфера вечера полностью переменилась. Они цвели и сияли драгоценностями, изумительными нарядами, прекрасно ухоженными волосами и ослепительным цветом лица. Вот кто действительно будто плыл в танце. Кроме чарльстона, разумеется,

²⁸ Король Аист и Король Чурбан – персонажи басни Эзопа «Лягушки, которые желали короля».

но и его угловатые движения в их исполнении были столь совершенны, что мы восхищенно разинули рты. Их беседа была, без сомнения, и бойкой, и остроумной; она текла как река – быстрая, плещущая и сверкающая на солнце. Линда была совершенно околдована и тут же решила, что непременно станет одним из этих пленительных созданий и будет жить в их мире, сколько бы сил и времени ни понадобилось, чтобы достичь желаемого идеала. Я же на такое не претендовала. Они были великолепны, но существовали в параллельном пространстве, в том, в котором жили мои родители и которое я покинула в тот самый миг, когда тетя Эмили забрала меня к себе. Пути назад не было – да я его и не желала, что, впрочем, вовсе не мешало мне с восхищением наблюдать красочный спектакль, разворачивающийся перед моими глазами, сидела ли я с Линдой в ожидании приглашения или неуклюже переминалась в танце с добрым Дэви, который, не найдя для меня другого партнера, время от времени сам играл его роль. Дэви, похоже, был хорошо знаком со всей компанией, а с лордом Мерлином и вовсе состоял в дружеских отношениях. В промежутках между проявлениями любезности к нам с Линдой он присоединялся к их утонченной болтовне. Он даже предложил ввести нас в их круг, но, увы, свободные вставки из тафты на наших платьях, казавшиеся такими красивыми и оригинальными на примерках у миссис Джош, теперь, в сравнении с мягким струящимся шифоном гостей, выглядели окостенело и странно и усугубляли жестокое ощущение собственной неполноценности, возникшее в нас еще в начале вечера. И мы категорически отказались.

В ту ночь, лежа в постели, я сильнее, чем обычно, мечтала о крепких и надежных объятиях моего фермера из Шенли. А Линда наутро объявила, что отреклась от принца Уэльского.

– Я пришла к заключению, – сказала она, – что в придворных кругах мне будет довольно скучно. Леди Дороти – придворная дама, а ты только посмотри на нее...

6

Бал имел неожиданные последствия. Мать лорда Форт-Уильяма пригласила тетю Сэди с Луизой к себе в Сассекс на бал охотников, а вскоре и от его замужней сестры пришло приглашение на благотворительный бал и охоту. Эти поездки оказались весьма плодотворными: лорд Форт-Уильям посватался к Луизе, и его предложение было принято. Вернувшись в Алконли, Луиза очутилась в центре внимания впервые с тех пор, как была оттеснена на задворки рождением Линды. Помолвка стала для нас потрясающим событием, и теперь в бельевом чулане достов не прекращались грандиозные пересуды, как с участием Луизы, так и без нее. На безымянном пальце свежеиспеченной невесты красовалось хорошенькое бриллиантовое колечко, но сама она не проявляла большого желания обсуждать подробности ухаживаний лорда Форт-Уильяма (который теперь стал для нас Джоном, но мы еще не привыкли так его называть). Луиза краснела и пряталась за дымовой завесой отговорок, заявляя, что подобные вещи слишком священны, чтобы говорить о них всуе. Вскоре жених появился в Алконли собственной персоной, и мы получили возможность изучить его как самостоятельную личность, а не в составе достопочтенной троицы – отдельно от лорда Стромболи и герцога Пэддингтона. Вердикт вынесла Линда: «Бедный старичок. Думаю, они нравятся друг другу, но окажись он моей собакой, мне пришлось бы его усыпить». Лорду Форт-Уильяму было тридцать девять лет, но выглядел он определенно старше. Его волосы будто сбились назад – как гагачий пух в подушке, по выражению Линды, и в целом у него была внешность немолодого и неухоженного человека. Луиза, однако, его любила и впервые в жизни была счастлива. Она всегда боялась дядю Мэттью больше, чем все остальные, и не без причины: он считал ее дурой и не давал себе труда хоть изредка обходиться с ней по-доброму. Так что Луиза была на седьмом небе от радости, что покидает Алконли навсегда.

Уверена, Линда, несмотря на все разговоры о старичках, собаках и гагачьем пухе, на самом деле очень завидовала Луизе. Она уезжала верхом на долгие одинокие прогулки, во время которых мысленно погружалась в мир своих несбыточных фантазий. Ее жажда любви превратилась в полную одержимость. Надо было как-то убить еще два года до наступления возраста выходов в свет, но, боже, как медленно тянулись дни! Линда болталась в гостиной, раскладывая (или только начиная и бросая) бесчисленные пасьянсы – то одна, то в обществе Джесси, которую заразила своим беспокойством.

– Который час, дорогая?

– Угадай.

– Без четверти шесть?

– Тепло.

– Шесть!

– Холоднее.

– Без пяти?

– Да!

– Если этот пасьянс сойдется, я выйду за любимого человека. Если сойдется, я выйду замуж в восемнадцать лет.

Если сойдется... тасовка... если сойдется... раскладка. Дама – последняя карта в колоде, он не может сойтись, начинай сначала.

Луиза вышла замуж весной. Ее свадебное платье, украшенное тюлевыми оборками и букетиками флердоранжа, было коротким, лишь до колена, но зато со шлейфом, по тогдашней уродливой моде. Оно ужасно нервировало Джесси.

– Платье не подходит.

– Почему, Джесси?

– Я имею в виду похороны. Женщин всегда хоронят в подвенечных платьях. Подумай, как из-под юбки будут торчать твои мертвые ноги.

– О, Джесси! Не будь такой жестокой. Я их шлейфом оберну.

– Представь, как приятно будет гробовщикам.

Луиза отказалась от сопровождения подружек невесты. Думаю, ей хотелось, чтобы хоть раз в жизни смотрели на нее, а не на Линду.

– Ты не представляешь, как глупо будешь выглядеть без подружек со спины, – попыталась переубедить ее Линда. – Но поступай как знаешь. Нам даже лучше, не нужно будет заворачиваться в дурацкий голубой шифон. Я ведь для тебя стараюсь.

Джон Форт-Уильям, завзятый собиратель древностей, на день рождения подарил Луизе копию драгоценности короля Альфреда²⁹. Линда, чье желание говорить гадости в это время не имело границ, сказала, что подарок похож на куриный помет.

– Той же формы, того же размера, того же цвета. Ужас, а не украшение.

– Я думаю, оно прелестно, – сказала тетя Сэди, но слова Линды все же оставили болезненный осадок.

У тети Сэди в те времена была канарейка, которая распевала дни напролет, громкостью и чистотой трелей соперничая даже с самой Галли-Курчи. Всякий раз, когда я где-то слышу канарейку, поющую так же заливисто и неудержимо, я вспоминаю то счастливое время – нескончаемый поток свадебных подарков; возгласы восхищения или ужаса, с которыми мы их распаковывали и раскладывали в бальной зале; сутолоку и кутерьму; дядю Мэттью в устойчиво безоблачном настроении, как это иногда бывает с погодой, дарящей один за другим неправдоподобно ясные дни.

Луизе предстояло стать хозяйкой двух домов: одного – в Лондоне, на Коннот-сквер, а другого – в Шотландии. Муж имел намерение выделять ей на шпильки три сотни в год и сразу сделал владелицей бриллиантовой диадемы, жемчужного ожерелья, собственного автомобиля и мехового палантина. Луиза была способна выносить Джона Форта-Уильяма, и, стало быть, ее ждала завидная судьба, но, на наш взгляд, он был чертовски тоскливым.

День свадьбы выдался погожим и свежим. Утром мы побежали взглянуть, как миссис Уиллс и миссис Джош справляются с праздничным убранством, и увидели нашу светлую маленькую церковь уже украшенной цветами. Позже, когда ее знакомые очертания заслонила толпа людей, я подумала, что сама предпочла бы венчаться в пустой церкви – пусть будут только цветы и Святой Дух.

Ни мне, ни Линде никогда раньше не приходилось бывать на свадьбе. Тетя Эмили очень огорчила нас, обвенчавшись вдали от посторонних взглядов в родовой часовне Дэви на севере Англии, поэтому мы оказались не подготовлены к внезапному перевоплощению нашей милой Луизы и скучнейшего Джона в вечные образы Жениха и Невесты, романтических Героя и Героиню.

²⁹ Драгоценность Альфреда – одно из самых известных произведений англосаксонского ювелирного искусства, датированное концом IX века. Золотое, украшенное эмалью изделие не вполне понятного назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.